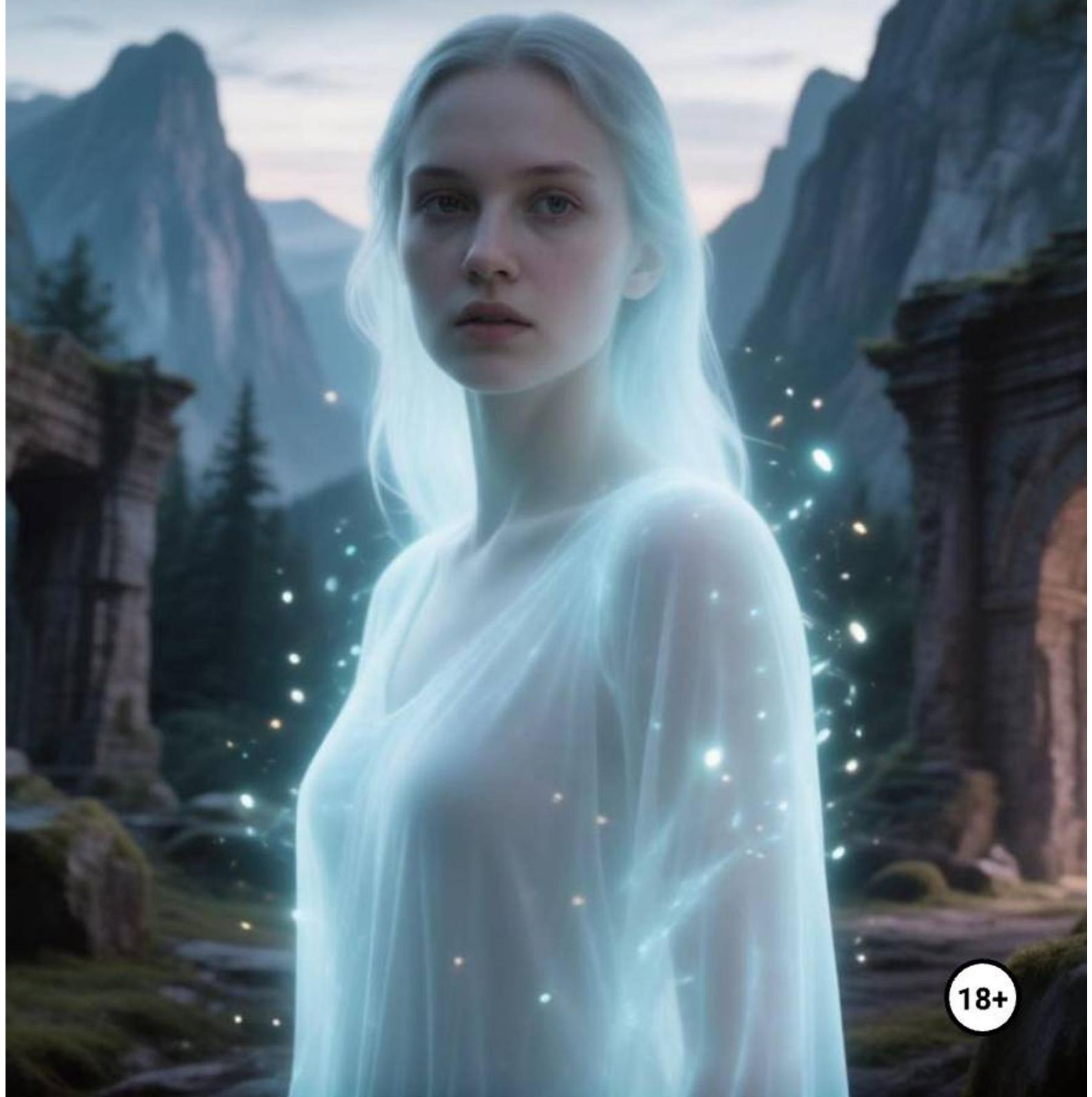

КРИК ДУШИ

18+

Ани Вебр

**Крик души или Меня
нет, но я чувствую**

«Автор»

2026

Вебр А.

Крик души или Меня нет, но я чувствую / А. Вебр — «Автор»,
2026

Странная штука жизнь. Хочешь жить как все, но не можешь. Выпал шанс жить как все, но уже не хочешь. Так и героиня этой книги. Мечтала жить и не выделяться, но когда ей представилась такая возможность просто не смогла жить как все и не выделяться. Сможет ли преодолеть все трудности, узнать историю своего рождения и выстроить счастливую семью и спокойную жизнь. Первые две главы состоят из рассуждений, мыслей и выводов героини. Не пугайтесь, дальше все будет привычно с диалогами. МЖМ без описания сцен в троим. Цыкл из двух книг. Можно читать отдельно.

© Вебр А., 2026

© Автор, 2026

Ани Вебр

Крик души или Меня нет, но я чувствую

Странная штука жизнь.
Хочешь жить как все, но не можешь.
Выпал шанс жить как все, но уже не хочешь.

ПРОЛОГ

Моя история, с одной стороны, самая обычная, с другой — самая невероятная из всех возможных. С чего бы начать свой рассказ? Наверное, стоит начать с самого начала.

Я дух. Я просто странствующий дух. Что-то меня потянуло на философию. Хотя... это как нельзя точнее описывает меня.

Ну, давайте знакомиться. Я — Эм. Обычная девушка со своими мыслями и мечтами. И, в отличие от многих, мои мечты самые обычные и незаурядные. Я мечтаю о большой любви и семье. О любящем муже и хотя бы одном ребёнке. Но, увы, мне это недоступно.

Самое смешное и в то же время грустное в этой ситуации — я могу воплотить в жизнь большую часть желаний других людей. Например, здоровье. Это вообще мой конёк. Не болею и не хожу по врачам. Побывать в одиночестве, чтоб никто не трогал? Легко! Я практически всегда одна. Деньги? Никогда в них не нуждалась. Увидеть мир? Была практически везде.

Я видела все достопримечательности и множество тихих, малонаселённых мест. Именно там — самая красивая и нетронутая человеком природа. В таких уголках время будто замирало: шелест ветра в высокой траве, тихий шёпот ручья, скользящего между камней, и небо, бесконечно раскинувшееся над головой, словно купол из тончайшего фарфора. Там, вдали от суеты, мир казался первозданным, будто его только что создали, и я была первой, кто ступил на эту землю.

Любовалась закатами и рассветами. Это потрясающее зрелище. В разных местах они разные. Встречать и провожать день стало моей личной традицией. Когда горизонт окрашивается разными красками, захватывает дух. Красные, оранжевые и жёлтые всполохи окрашивают небо, словно художник широкими мазками наносит краски на огромный холст. Они смешиваются и создают новые оттенки, рождая в душе бурю непередаваемых эмоций.

Рассветы приносят радость и вдохновение для свершений нового дня — в эти мгновения воздух прозрачен и свеж, будто пропитан обещанием чего-то хорошего. Первые лучи солнца скользят по вершинам гор, зажигая их золотистым светом, и кажется, что весь мир просыпается вместе со мной, готовый подарить новые чудеса.

Закаты приносят грусть. Тоску по ещё одному практически бесцельно прожитому дню. Багряное солнце медленно тонет за горизонтом, оставляя после себя лишь тонкую полоску света, которая тает, как воспоминание, ускользающее из памяти. В такие минуты тишина становится почти осязаемой, а одиночество — тяжёлым, словно плащ, накинутый на плечи.

Посетив множество стран и городов, ни в одном не почувствовала себя как дома. Где родилась? Не помню и не знаю. Хотела найти свою родину и корни на уровне ощущений, но так и не нашла. Внутреннее чутьё молчит. А иногда так хочется остановиться, оглянуться вокруг и побыть в родном месте. Набраться сил для продолжения пути. Только у меня нет такого места. Всегда в дороге, всегда в пути.

Как же хочется домашнего уюта и тепла — того самого тихого счастья, когда за окном идёт дождь, а внутри горит мягкий свет лампы, пахнет свежей выпечкой, и кто-то рядом тихо

смеётся над какой-то пустяковой шуткой. Скитания порядком надоели, только выбор у меня невелик. Вечно быть в дороге — моё жизненное кредо.

Был момент, когда я остановилась на одном месте и прожила там несколько месяцев. Но сделала себе только хуже. Влюбилась, разбила себе сердце и хотела покинуть место, которое могло стать моим домом. Хотела больше не останавливаться, а продолжить путешествовать. Не будет больше больно.

Но теперь у меня появилась цель. Я буду стремиться к ней. Сделаю всё, чтоб достичь её. Может, тогда я обрету семью, о которой так мечтаю.

А теперь расскажу о своей жизни подробнее.

ГЛАВА 1

Относительно осмысленно помню себя лет с пяти. Но уже тогда понимала, что не такая, как все. Понимала, что сильно отличаюсь от остальных детей. Постоянное чувство одиночества разъедало изнутри, словно ржавчина медленно съедает забытый гвоздь — незаметно, но неотвратно. Наблюдая, как других детей любят родители и заботятся о них, я чувствовала себя призраком, запертым за невидимой стеной: всё вижу, всё слышу, но дотянуться не могу.

Хотелось забиться в уголок и поплакать. Оплакать свою никчёмную жизнь. Я никому не нужна, меня никто не любит. Как же горько это осознавать, не имея возможности что-то исправить.

Скиталась по улицам и дворам. Наблюдала за людьми. Представляла, что это меня гладит мама по голове, а не какую-то девочку. Любила представлять себя на месте других детей, когда им дарят подарки, покупают вещи и игрушки, обнимают и целуют. Так проходил день за днём, неделя за неделей, год за годом. Дворы сменяли один другой, лица сливались в пёструю вереницу, сезоны перетекали друг в друга, как краски на мокрой бумаге, — а я всё бродила и бродила, словно тень, отброшенная светом, который давно погас.

Однажды забрела в один из дворов. Моё внимание привлекла плачущая девочка моего возраста. На вид около семи лет. Сидя на лавочке, она разговаривала сама с собой. Как я поняла, родителей не было дома. Она гуляла во дворе с друзьями, когда на город медленно опускался вечер, плавно сменяющийся ночью. Воздух густел, приобретая густой сиреневый оттенок, фонари зажигались один за другим, бросая на асфальт жёлтые круги, а окна домов наполнялись тёплым светом — но не для неё. Других детей звали домой, ужинать и ложиться спать. У девочки не было ключей от квартиры. Домой попасть она не могла. Вот и сидит на лавочке, ждёт родителей. Смотрит в окна других квартир. Наблюдает, как проходят семейные ужины, как мамы укладывают детей спать. За каждым светящимся окном — своя маленькая жизнь, своя тёплая история, в которой нет места одной забытой девочке на лавочке. И только про неё все забыли. Только одна она зябко ежится от ночной прохлады. Хоть на улице лето, но вечера действительно прохладны для ребёнка, одетого в шорты и футболку. Так потирая маленькие плечики, девочка плачет над своей горькой судьбой.

Как же я её понимаю. Сейчас ей так же больно и одиноко, как мне всю мою сознательную жизнь. Два одиночества, соприкоснувшихся на миг, — но я даже не могу обнять её, не могу прошептать: «Я рядом». Невидимая, неосязаемая, я стою в двух шагах, и это расстояние непреодолимее любого океана.

Шло время. Я выросла и всё больше убеждалась, что не такая, как все. Всю свою жизнь, сколько бы она ни длилась, я проведу в одиночестве и никогда не познаю, что такое любовь, забота и просто чувство нужности хоть кому-то. Время для меня текло странно — не как река, а как стоячая вода в заброшенном колодце: без течения, без направления, только отражение неба, которое никогда не меняется.

Со временем стала понимать: не так уж и плоха моя жизнь. Наблюдая за людьми, убеждалась, что смогу обойтись без заботы и нужности кому-то. В большинстве случаев, это всё ложь. Наглая беспросветная ЛОЖЬ и мнимая забота. Ты нужен только тогда, когда у тебя есть что-то, что нужно другим. Тогда они рядом с тобой, никогда тебя не забывают и не покидают. Но, как бы смешно это ни звучало, грусть именно в том, что эти люди испаряются из твоей жизни со скоростью света, как только получают от тебя то, что им было нужно.

Я видела человека. Он купался в этой «нужности». У него было много денег. Все крутились рядом: родственники, друзья, знакомые. Он практически ни на минуту не оставался один. Смех, разговоры, звон бокалов, обещания вечной дружбы — всё это кружилось вокруг него, словно хоровод ярких мотыльков вокруг фонаря. Ровно до того момента, пока не потерял всё своё состояние. В тот же миг все, кто его окружал, испарились. Даже родственники и те «распустились в воздухе», сославшись на свою занятость. Ни один не поддержал и уж тем более не предложил свою руку помощи. Фонарь погас — и мотыльки разлетелись во тьму, словно их никогда и не было. Не зря говорят: друг познаётся в беде.

Забота тоже может быть лживой. Наблюдала заботу о пожилых людях. Даже родные дети заботились через силу. Сцепив зубы, наиграно улыбались, а сами считали дни, когда это закончится и квартира достанется им. Некоторые даже ускоряли процесс. Травили своих бабушек втихушку. Всё это ради наследства? Иногда даже не самого большого. Всё это мерзко и аморально. Глядя на всё это, хотелось плевать, а некоторым и руки повыдёргивать.

Конечно, не все такие. Есть и те, кто искренне заботится о тебе и кому ты действительно нужен. Видела девушку. Она горевала о бабушке. Ей не нужна была её квартира. Ей нужна была сама бабушка. Девушка искренне заботилась о ней и продолжала бы это делать дальше, лишь бы та была жива. Она приходила каждое утро, приносила цветы в маленьком глиняном горшке, перестилала постель, гладила морщинистую руку и шептала: «Бабуля, я здесь, я никуда не уйду». И старушка улыбалась — той улыбкой, что освещает комнату ярче любого солнца, потому что знает: рядом — настоящее.

Только таких людей единицы, а мерзких и лживых миллионы. Непропорциональное соотношение и не самое справедливое, не находите?

А вот ЛЮБОВЬ так и осталась для меня загадкой. Кто-то считает, что её нет. Кто-то верит в её реальность. Я так и не смогла определиться, к кому примкнуть. Любовь — словно мираж в пустыне: одни клянутся, что видели её своими глазами, другие утверждают, что это лишь отражение неба в раскалённом песке. А я стояла посреди и не могла понять, с какой стороны правда.

Есть те, кто притворяется, преследуя какие-то свои цели: страх одиночества, деньги, спор, нежелание работать, желание иметь ребёнка в браке и многие другие, известные только им. Не особо осуждаю, но и не понимаю. Как говорится, каждому своё, и каждый живёт, как хочет.

Есть те, кто искренне любит. Но лучше бы не было любви совсем, чем такая, которая заставляет постоянно страдать, которая заставляет терять себя. Как правило, это категория женщин, и редкое исключение составляют мужчины. Они из-за своей неземной любви терпят издевательства и измены от своей второй половинки. Любовь, которая не окрыляет, а сковывает цепями, — не любовь, а самоискусная клетка, в которую человек заходит сам и запирает замок изнутри.

Есть семьи, где муж постоянно бьёт и оскорбляет свою жену, а иногда и детей. Женщина терпит и страдает годами. Зачем? Ну, тут разные мотивы. Кто-то так сильно любит, что жить не может без него. Считает, что, оставшись одна, страдать будет сильнее, продолжит любить и не сможет забыть. Вследствие чего будет несчастна всю оставшуюся жизнь. Я бы не была так категорична. Ты ещё не пробовала. Вдруг «переболеешь» и успокоишься. Может, найдёшь

более достойного и полюбишь? Никто не знает. Ты же ещё не попробовала, а уже свято веришь в свои суждения.

Второй мотив — это, конечно же, дети! У детей должен быть отец. Дети будут счастливей в полной семье. Простите, конечно, но это полная чушь! Видела я этих детей. Они так же страдают, как и мать. Плачут в подушку по ночам. Мечтают поскорее вырасти и сбежать из такой семьи. Мечтают о спокойствии в доме и счастье для себя и матери. Только, в отличие от неё, не могут что-то изменить. Только мать может выгнать такого отца и не принимать обратно, или уйти, забрав детей. Но пока этого не происходит, страдают все. Возникает закономерный вопрос к такой женщине. Ну и кого ты сделала счастливее своим выбором? Дом, в котором вместо тепла — страх, вместо смеха — тишина перед ударом, не семья, а декорация, нарисованная на картоне, которая рухнет от первого же сквозняка.

Есть ещё одна категория влюбленных. Это, конечно же, молодые девчонки. Первая любовь — это наше всё. Держаться за неё будут до последнего, что бы ни произошло. Изменил? Прощу. Ударил? Бывает, сама виновата, довела парня. Оскорбил? Наверное, был не в настроении, а я под горячую руку попала. Оправдания найдутся на все случаи жизни. Толстая? Похудею. Худая? Потолстею. Жопы нет? Накачаю. Грудь? Увеличу... подстригусь, подкрашусь, переоденусь, научусь, отучусь... и многое другое. Они лепят себя, как глину, под чужие мерки, забывая, что глина — не живая, и фигурка, вылепленная по чужому шаблону, никогда не задышит.

Но если всё же расстались, вот тут начинается трагедия. Страдания, слёзы, отрыв с подругами, можно даже назло переспать с первым встречным. Некоторые пытаются свести счёты с жизнью. Кто-то идёт дальше и шантажирует этим парня. Но все в конечном итоге переживают первую любовь и двигаются по жизни дальше. Вернёмся чуть назад и спросим: если смогли пережить первую любовь, что вам мешает пережить расставание со второй и последующими, если в таких отношениях вы несчастны?

Естественно, в любви тоже есть исключения. Есть те, кто счастлив в браке. Живут в мире и согласии. Но опять же таких единицы, а несчастных миллионы.

Вот тут возникает вопрос. Люди, что с вами? Как вы к этому приходите? Остановитесь, оглянитесь вокруг! Может, пора что-то поменять в своей жизни? Может, пора сделать мир вокруг себя чуточку лучше?

Вот тут у вас возникает вопрос. Что же ты такая умная и проницательная страдаешь от одиночества и не можешь ничего поменять? Угадала? Всё очень просто. Я дух, я просто странствующий дух. Смешно? Нет. Потому что это не метафора, а моя реальность. Я душа без тела. Я всё вижу, слышу, ощущаю. У меня есть эмоции. Я сопереживаю людям. Хочу помочь и поддержать, хотя бы советом. Но меня никто не видит и не слышит. Я — голос, который теряется в ветру, прикосновение, которое не ощущает кожа, тень, лежащая рядом, но не дающая тепла. Я есть — и меня нет. И в этом — моя вечная, неразрешимая трагедия.

ГЛАВА 2

Взрослела и менялась вместе с людьми, среди которых находилась. Училась, меняла своё мировоззрение, восприятие. Сама себе придумала имя, когда поняла, что одна такая, и никого и никогда не будет рядом со мной. Меня зовут Эм, в переводе с французского — душа. Это имя легло на сердце, как тихий шёпот, будто кто-то наконец назвал меня по-настоящему, пусть даже я сама.

Проникнувшись слезами девочки с лавочки, долгое время была рядом. Ходила с ней в школу. Мне нравилось получать новые знания. Страницы учебников раскрывались, словно двери в иные миры: каждая формула, каждое историческое событие, каждая строчка стихотворения — это была возможность прикоснуться к чему-то большему, чем моё бесконечное

одиночество. Удивлялась нежеланию детей учиться. Это же так здорово! Интересно познавать мир — словно собирать огромную мозаику, где каждый кусочек открывает новый узор. Грустила от невозможности поиграть с остальными детьми. Видела, как они сбиваются в кучки, смеются, толкаются, строят шалаши из портфелей и старых тетрадей, и мне хотелось хотя бы на минуту стать частью этого шумного, живого хаоса. Но я оставалась в стороне — невидимая, как утренний туман, который тает, едва солнце касается крыш.

Спустя пять лет всё надоело. Мир перестал казаться столь прекрасным. Каждый праздник люди обменивались подарками, а я им завидовала. Яркие коробки, шуршащая бумага, ленты, завязанные бантами, — всё это было для кого-то, но не для меня. Многие обижались на дешёвые и бесполезные подарки: «Опять носки... Да что они обо мне думают?» Я бы радовалась и камню, если бы его подарили лично мне, с улыбкой глядя в глаза. Камень — твёрдый, настоящий, тёплый от чьих-то рук. Какое же у нас разное представление о счастье.

Школа тоже перестала казаться столь прекрасным местом. Зачем мне эти знания? Кому я буду их демонстрировать? Где применять? Ну, вырасту, и что? Меня даже на так многими ненавистную работу не возьмут. Ведь никто не знает, что я есть! Что я существую! ЛЮДИ, КАК ЖЕ Я ВАМ ЗАВИДУЮ, ДАЖЕ В МЕЛОЧАХ! Завидовала тому, как кто-то морщится от дождя, потому что у него промокли ботинки, или радуется чашке горячего чая, или спорит с другом из-за пустяка — просто потому, что рядом есть тот, с кем можно поспорить.

Я ушла. Решила посмотреть на остальной мир. КАК ОН ПРЕКРАСЕН! Он распахнулся передо мной, как огромная книга, страницы которой переливались всеми оттенками света. Побывала во многих странах. Чтобы понимать людей, пришлось учить другие языки — и это было словно учиться заново дышать: каждый новый звук, каждое слово открывали дверь в чужой внутренний мир. И вот что удивительно: страны разные, а принцип жизни и ценности одинаковые. В шумном мегаполисе и в тихой горной деревушке люди одинаково мечтают, одинаково боятся, одинаково надеются, что завтра будет чуть лучше, чем вчера.

С двенадцати до двадцати лет я путешествовала. Много, о чём рассказывали в школе, я увидела воочию. Мне понравилось соотносить знания с реальностью: представлять, как по этим улицам ходили люди, чьи имена остались только в учебниках, как под этим небом рождались великие идеи и рушились империи. Это было похоже на то, как будто я собирала по крупицам огромную, живую картину, где каждый мазок — это чьё-то дыхание, чей-то смех, чья-то слеза.

Залипала на закатах и рассветах в разных странах. В Египте небо опускалось на пирамиды тяжёлым, бархатным покрывалом, окрашивая камень в оттенки золота и меди. В Париже рассвет пробирался сквозь туман над Сеной, и Эйфелева башня казалась хрупкой, словно сделанной из света. В Индии первые лучи солнца скользили по белым стенам Тадж-Махала, и он сиял, как застывшая молитва. В Риме рассвет окрашивал Колизей в розоватые тона, и казалось, что камни снова слышат гул толпы и рёв львов.

Видела северное сияние — это самое великое чудо. Оно плыло по небу, как живая река из света, переливаясь зелёными, фиолетовыми и синими всполохами, будто сама вселенная танцевала в тишине. Это зрелище было настолько прекрасным, что хотелось одновременно плакать и смеяться, потому что в такие моменты особенно остро чувствуешь свою крошечность и свою связь со всем миром.

Осмотрела все достопримечательности: египетские пирамиды, Эйфелеву башню, Тадж-Махал, Колизей, собор Святого Петра, Великую Китайскую стену, статую Свободы, Биг-Бен, озеро Мореин, Пизанскую башню, Букингемский дворец и многое другое... Какая же это красотища! Каждый памятник был не просто камнем и металлом — он был памятью, застывшей в форме, историей, которую можно было почувствовать кожей. И я впитывала всё это, как сухая земля впитывает дождь, надеясь, что когда-нибудь эти впечатления смогут заполнить ту пустоту, которая жила внутри меня.

Как и всё в мире, даже прекрасное может наскучить. Красота, лишённая того, с кем можно ею поделиться, превращается в картину, на которую смотришь слишком долго: краски тускнеют, линии расплываются, и остаётся лишь усталость. И я решила вернуться в Россию. Менталитет и логика россиян — самые интересные и непредсказуемые. Ещё хотелось бы найти и увидеть ту девочку, с которой я ходила в школу. Интересно, какой она выросла и что с ней стало.

За восемь лет ничего особо не изменилось. Люди те же, проблемы тоже. Улицы, по которым я когда-то бродила маленьким одиноким духом, постарели вместе со своими жильцами: облупившиеся фасады, проросшие сквозь трещины в асфальте одуванчики, качели, на которых уже некому качаться. Всё было знакомым и чужим одновременно, как дом, в который возвращаешься после долгой разлуки и обнаруживаешь, что он стал меньше.

Нашла Ольгу. Из маленькой девочки она превратилась в красивую девушку. Впервые вижу, как её глаза горят радостью и жадой жизни — тем самым светом, который я видела лишь в окнах чужих квартир, когда бродила по вечерним дворам. Оля встретила красивого доброго парня. Насколько поняла, они встречаются уже год. Общие интересы и взгляды на жизнь прочно сплотили эти отношения. Они двигались в одном ритме, словно два ручья, слившихся в один, и вода в них была прозрачной и быстрой.

Наблюдая со стороны за жизнью двух влюблённых, стала проникаться симпатией к парню. Андрей был рассудительным человеком. Всё умел делать по дому: чинил краны, собирал мебель, готовил ужин, заботливо накрывая на стол к приходу Оли. Стремился создать семью. В свои двадцать он отличался от сверстников. Пока парни гуляли и меняли девчонок, Андрей сидел дома и помогал матери по хозяйству.

Единственное, что в нём настораживало, — это отсутствие постоянной работы. Ни на одной он не задерживался надолго. Со стороны казалось, Андрей находится в поиске себя и своего призвания. Причины увольнений всегда были разными: график плохой, зарплата маленькая, с начальником не сошлись, работа рутинная и скучная. Вроде всё логично — ищет

работу по душе и с достойной заработной платой. Так считала Ольга и все вокруг. Только мне было доступно чуть больше.

Имея возможность наблюдать за ним, пока он один, открылись новые подробности столь частой смены мест заработка. Первое — это большой промежуток времени между уходом с одного места и поиском другого. Андрей любит подольше поспать и часто находиться дома. Утро для него начиналось не с будильника, а с полуденного солнца, бьющего в незадёрнутые шторы. День тек лениво, как река в засуху: телевизор, диван, телефон, снова диван, перекус, ещё один сон. В этом, в принципе, и заключалось всё остальное. Не имея возможности получить хорошее образование, а как выяснилось, и желания, его могли взять не на любую должность. Только Андрей хотел работать там, где практически ничего не надо делать, редко появляться на работе и больше находиться дома, ну и, конечно, зарабатывать, как человек двести вместе взятых. При всех его достоинствах это является очень большим недостатком.

Жаль, я поняла это слишком поздно. Как бы ни уговаривала себя, что в моём положении глупо надеяться на что-то, я всё равно стала в него влюбляться. Это было похоже на медленное погружение в тёплый омут: разум кричал «стоп», а сердце уходило всё глубже, захлёбываясь тишиной, которую давно никто не заполнял. Понимала, что Ольга будет с ним счастлива, а я смогу только наблюдать со стороны, но ничего не могла с собой поделать.

Стыдно признаться, но однажды не удержалась и совершила низкий поступок. Заняла тело Ольги и провела с Андреем вечер. Мы много говорили, обнимались и целовались. И закончилось всё постелью. Ощущение чужой кожи, чужого тела, чужого сердца, бьющегося под моими мыслями, — это было одновременно прекрасно и чудовищно. Я чувствовала тепло его рук, запах его волос, прикосновение, которое прожигало насквозь, — и каждое мгновение знала, что это не моё, что я вор, укравший чужой вечер, чужую нежность, чужое «я тебя люблю». Ненавидела себя за это, но так хотелось ощутить всё по-настоящему, хоть на несколько часов.

Ольгина душа в это время была как во сне. Руководила я, но Оля всё видела, понимала и думала, что это её выбор. Мой поступок ужасен. Только двадцать лет одиночества могут сподвигнуть и на гораздо худшее. После этого в голове крутилась только одна мысль: можно так делать периодически, чтоб поддерживать иллюзию нормальной жизни. Было гадко от собственных мыслей. Я и за Андреем-то следить начала более тщательно, лишь для того, чтоб найти хоть мизерную причину, чтоб разлюбить. И вот, находясь в его комнате, глядя, как он безмятежно спит, развалившись на кровати посреди дня, пытаюсь убедить себя, что такой мне не нужен. Да и Ольге тоже. Будет всю жизнь работать за двоих, чтоб содержать себя, его, а в дальнейшем ещё и детей. Жаль, не могу сказать этого Ольге, чтоб уберечь от ошибки. Хотя влюблённые чаще всего не слушают никого и продолжают слепо любить.

Дальше произошло то, что навсегда разделило мою жизнь на до и после. И окончательно отвернуло от Андрея.

Ольге пришлось уехать по работе в другой город на две недели. Андрею было скучно, и он познакомился с молоденькой продавщицей из магазина по соседству с его домом. У них закрутился роман — лёгкий, бездумный, как страничка из дешёвого романа, которую вырвали и выбросили, не дочитав. Именно в тот момент я разочаровалась окончательно и в нём, и в любви в целом.

Когда вернулась Оля, он, естественно, ей не признался, но и отношения с другой не прекратил. Гулял на два фронта и купался в любви и обожании. Так хотелось уйти. Переживания за Ольгу меня останавливали, я считала её почти сестрой. Ещё и какая-то неведомая сила, словно тянула меня, заставляя находиться рядом с Олей постоянно. Я подчинилась этому желанию. Поставив себе условие: как только ситуация разрешится, сразу покидаю этот город и больше в него никогда не вернусь.

Бойтесь желаний своих. Моё исполнилось, только совсем не так, как хотелось бы.

Вскоре Ольга узнала о любовнице Андрея. Высказала ему всё, что о нём думает, и ушла, громко хлопнув дверью. Звук был такой, будто треснуло что-то не в стене, а в самом воздухе — необратимо, навсегда. Не успела я обрадоваться, как осознала правду. Несмотря ни на что, она сильно его любила, ну или думала, что любит. Покинув его квартиру, Оля не поехала домой, а поднялась на крышу дома.

Вечер был тихий и пустой, как вымытая дочиста тарелка. Город лежал внизу, равнодушный и мерцающий. Ветер на высоте дул иначе — не ласково, как у земли, а жёстко, трепал волосы, забирался под одежду, словно пытался оттолкнуть от края. Оля сидела на бетонном парапете, обхватив колени, и слёзы падали вниз, в темноту, исчезая где-то между этажами, так и не достигнув земли. Плакала она не громко — без всхлипов и криков, одна только тишина, в которую втекали слёзы, как вода в трещину.

Проплавав там час, она решилась на самый глупый поступок в своей жизни. Ольга бросилась с крыши...

Хотела своим поступком заставить Андрея задуматься и пожалеть. Чтоб он понял, к чему приводят неверные решения в жизни. Чтоб каждый раз, выходя из подъезда, он вспоминал о ней. Ольга прыгнула ровно перед его подъездом. Сомневаюсь, что Андрей что-то поймёт. Ольга просто загубила свою жизнь опрометчивым и импульсивным поступком. Я даже понять не успела. Она сидела, плакала, потом резко вскочила и кинулась вниз. Если бы она хоть несколько секунд подумала на краю, я могла бы её остановить. А так... я вселилась в неё уже в полёте.

Полёт длился секунды, но внутри он растянулся на вечность. Ветер ревел, вырывая дыхание. Земля неслась навстречу, каждая деталь на ней становилась отчётливой: трещина в асфальте, брошенный мяч у бордюра, тусклый фонарь, под которым когда-то сидела маленькая девочка без ключей. Мир, который я видела, слышала, чувствовала двадцать лет, — вот он, в нескольких метрах, и я не знала, что будет дальше.

О чём я думала? Да практически о том же, о чём и Оля. Думала, как меня всё задолбало. Как хочу жить, как нормальный человек. Иметь тело и возможность совершать свои ошибки. Не знаю, на что надеялась. Просто доверилась судьбе. Либо умру вместе с Ольгой и не буду бродить больше бесцельно. Либо смогу спасти её. Никто же не знает, что будет, когда в теле две души. В самом худшем варианте Ольга умрёт, а я выживу — либо духом, либо заняв её тело и обретя шанс на жизнь.

ГЛАВА 3

Открыла глаза. Лежу на берегу озера. Красиво вокруг — так красиво, что на миг показалось, будто это не реальность, а чья-то мечта, воплощённая в красках. Вода прозрачная, словно стекло, отливающее лазурью на солнце, — можно рассмотреть песчаное дно, каждую песчинку, каждый камешек, уложенный временем. Лёгкий ветерок скользил по коже, тёплый и ласковый, будто сам мир хотел меня успокоить.

Цветы... Никогда таких не видела, даже на картинках. Они росли у самой кромки воды, склоняясь к отражению, — странная, волшебная смесь розы и хризантемы, только цвет у них был не обычный, а радужный: лепестки переливались от нежно-розового до глубокого фиолетового, вспыхивали золотистыми искрами, будто в них спрятали кусочки заката. Красиво, но необычно — так, что взгляд не мог оторваться, а разум отказывался верить в их существование.

Тепло, уютно, спокойно — всё вокруг словно шептало: «Здесь можно выдохнуть». Рядом стоял плетённый стол и два кресла, оплетённые лозой, будто сотканные из солнечных лучей и тени. Интересно, когда я успела отправиться в путешествие? Не помню. Начинаю копаться в памяти...

«Я же в Ольгу вселилась!»

Оглядываюсь в поисках Оли. Помню только удар об асфальт, жуткую боль, разрывающую каждую клетку, и... темноту, густую, как смола, поглотившую всё.

— Очнулась? — раздается мелодичный голос, чистый и звонкий, как колокольчик на ветру.

Оборачиваюсь на него. В одном из кресел сидит красивая девушка. Длинные волосы струятся по плечам, словно шелковые ленты, отливая то ли серебром, то ли лунным светом. Интересно, когда, а главное, как она тут появилась? Ещё минуту назад её тут не было. Да и на столе появились две маленькие кружечки, чайничек и несколько вазочек — не видно, с чем. Всё это возникло будто по мановению невидимой руки, тихо и незаметно, как рассвет подкрадывается к спящему городу.

— Присаживайся, поговорим, — опять подала голос девушка. — Подозреваю, у тебя много вопросов.

Подошла, опустилась во второе кресло. Дерево было тёплым, будто долго лежало на солнце и впитало его свет. Заглянула в вазочки: печенье, конфеты и зефир — простые сладости, но в этом месте они казались чем-то волшебным, словно каждая конфета хранила в себе маленькую историю.

— Угощайся, — с улыбкой предложила девушка, разливая по чашкам напиток, от которого исходил ягодный аромат — густой, сладкий, с лёгкой кислинкой, напоминающий лето, собранное в одной кружке.

— Спасибо. Вы кто? — улыбнулась в ответ, только сейчас осознав, что она говорит со мной. — Вы меня видите? — Округлила глаза, не зная, радоваться этому факту или нет. Сердце забилось быстрее, как у ребёнка, который впервые услышал своё имя из чужих уст.

— Конечно, вижу, — мелодично засмеялась девушка, но быстро стала серьёзной, и в её взгляде мелькнула тень древней усталости. — Прости, не представилась. Моё имя Азазель. Я богиня.

— Я умерла? — шок, это всё, что было в моей голове, холодный, тяжёлый, сковывающий мысли.

— Можно и так сказать. Ты и до этого не совсем жила. Не считаешь так? — она смотрела на меня с любопытством и лёгкой грустью, словно видела не только моё тело, но и все те годы одиночества, что тянулись за мной, как тень.

— Наверное, вы правы, — стушевалась я, опустив взгляд на свои руки, будто они могли подсказать, как вести себя в разговоре с богиней.

— А что с Ольгой? — вопрос вырвался сам собой, тихий, но острый, как осколок стекла.

— Вот она действительно умерла. Ольга так сильно не хотела жить, что её душа быстро вырвалась из тела и ушла на перерождение. Ты же, наоборот, очень хотела жить. Несмотря на полученные травмы, несовместимые с жизнью, ты поддерживала жизнь в теле ещё пару минут, пока я не забрала тебя.

— Зачем? — голова всё ещё отказывалась работать, выдавая только односложные вопросы, как будто слова были слишком тяжёлыми для языка.

— Вот об этом мы сейчас подробно и поговорим. Я могу дать тебе то, чего ты так хотела столько лет. Могу вселить твою душу в тело. Не временно, а на постоянной основе.

— А что взамен?

— Взамен? — переспросила удивлённо, приподняв бровь.

— Да. Что требуется от меня? Я понимаю, что просто так в этой жизни никому ничего не даётся, — жду ответа как приговора, очень надеюсь, что смогу отплатить.

— Не так много, как тебе кажется. Спасти мой мир.

Я подавилась напитком и закашлялась, капли чая разлетелись, как крошечные жемчужины, и растаяли на тёплой поверхности стола.

— Спасти мир? Серьёзно? Не так много? Как? Вы богиня, а я душа, даже без тела. Что я могу сделать? — кажется, я сегодня бью все рекорды по количеству заданных вопросов за минуту, и каждый из них звучал всё отчаяннее.

— Тело у тебя будет, — спокойно ответила Азазель, пропустив мимо ушей всё остальное, словно спасение мира было делом обыденным, вроде заваривания чая.

— Ну, допустим, я согласилась. Только допустим, — выставила указательный палец вперёд, стараясь удержать хоть каплю контроля над ситуацией. — Знаю я этих богинь. Ольга читала книги про попаданок, ну и я вместе с ней. Не думала, что окажусь на их месте. Только стоит расслабиться и сказать «да», как тебя уже закинули в новый мир без объяснений и подготовки, и разгребай, как хочешь.

— В чём теле я буду? Что с его хозяйкой? Что случилось с миром? Как его спасти? Я хочу получить ответы на все вопросы и подробно, — слова сыпались, как камешки из разжатой ладони, — торопливо, но твёрдо.

— Хм... а ты интересный экземпляр, — меня оценивающе осмотрели, будто взвешивая не слова, а саму мою суть. — Ну что ж. Начну по порядку. Тело одной аристократки. Красива, богата, молода. В данный момент она умирает от неудачного падения.

— Символично, — вставила с ухмылкой, вспомнив свой полёт с крыши, — ветер тогда тоже был холодным.

— Наверное, — неопределённо пожала плечами богиня. — Мир погряз в злобе и ненависти. Его обитатели уничтожают друг друга. Если их не остановить, то скоро они все вымрут, и мир погибнет следом.

— А почему вы не вмешались?

— Я была занята, — тяжело вздохнула богиня, и в этом вздохе прозвучала тяжесть веков.

— Это чем же? — спросила, давя ухмылку, хотя внутри всё сжималось от понимания, насколько всё серьёзно.

— Создавала ещё один мир, — с укором ответила Азазель. — Пока всё было хорошо, я встречалась с другими богами. Решала с ними вселенские вопросы. И упустила тот момент, когда в меня переставали верить и молиться. Заметила, когда сил стало мало. Вернулась посмотреть, но было уже поздно. Большая часть сил ушла на решение общих вопросов вселенной. Пришлось ждать, когда они пополнятся. Но так как мне практически никто не молился, сила увеличивалась медленно. Чтоб не погибнуть, пришлось создавать новый мир. Во вселенной всё закольцовано. Силу даёт мир. Он, в свою очередь, питается от меня. Погибнет мир — я лишусь силы. У меня не хватает сил, не могу повлиять на ситуацию в мире.

— Новый мир создали?

— Да.

— Там в вас верят?

— Да. Теперь я тщательно слежу за этим.

— Значит, сил много, — сделала я логичный вывод. — Значит, можете вмешаться и помочь этому миру. Как он, кстати, называется? — раскладывала по полочкам весь её рассказ, пытаясь удержать хаос мыслей.

— Мир назван в честь меня — Азаил, — я скрыла улыбку за чашкой, чувствуя, как тепло напитка немного согревает изнутри. — Что касается вмешательства, тут всё сложнее. Сила, полученная от мира, принадлежит ему, и только малая его часть преобразовывается в силу для моих нужд. Поэтому, увы, не могу, — пожала плечами и грустно выдохнула, и этот выдох был похож на шелест опавших листьев под тяжёлым небом. — На чём я остановилась? Ах да. Я занялась другим миром, чтоб не остаться вообще без сил. Думала, за это время накопить достаточно, чтоб спуститься к жителям и напомнить о себе. Но за это время там произошли непоправимые события.

— Это какие? — не удержалась от комментария, чувствуя, как история затягивается, как водоворот.

— Перестав верить в высший суд, аристократы возомнили себя вершителями судеб. Не сразу, конечно. Всё происходило постепенно. Мне потребовалось немало времени, чтоб разобраться, с чего всё началось, но тогда я была зла и прокляла их.

— Ого!

— Очень скоро я пожалела об этом, но было уже слишком поздно.

— Чтоб понимать всю ситуацию, хотелось бы услышать последовательное падение мира.

— Да, наверное, так будет лучше, — согласилась богиня, и её голос стал тише, словно она боялась разбудить эхо старых ошибок. — В мире было шесть королевств: люди, оборотни, эльфы, дроу, наги и драконы. Несколько каст населения: аристократы, купцы и крестьяне.

«Сливки общества, торгаши-предприниматели и челядь», — мысленно перевела для себя, чувствуя, как привычная логика накладывается на чужую, пугающую реальность.

— Аристократы создавали браки только между собой. В их родах была самая сильная магия, которую они не хотели потерять.

«Всё логично, вдруг корона пошатнётся, и признание, и власть закончатся. Как и на земле. Деньги к деньгам. Ничего нового», — пронеслось в голове, горькое и знакомое.

Азазель рассказывала дальше, и каждое слово падало, как камень в тихий пруд, расходясь кругами боли и несправедливости. История о влюблённой аристократке, о жестокости, о зелье, навсегда изменившем мир, о проклятии, которое только усугубило всё, — всё это складывалось в картину, мрачную и безжалостную, где свет почти не пробивался сквозь тьму.

Когда богиня закончила, я сидела, сжав кулаки, чувствуя, как внутри всё кипит от возмущения и ужаса.

— Вы уверены, что этот мир можно спасти? Насколько я поняла, женщин крайне мало, и все они озлобленные. Там процветает рабство, физическое и моральное насилие. Больше половины населения живёт за чертой бедности. И никакой надежды. Я всё перечислила или что-то упустила?

— Всё так, но надежда есть, — тихо, но твёрдо ответила Азазель, и в её голосе прозвучала упрямая вера, которую не сломали ни века, ни проклятия.

— И какая же?

— Ты. Ты их надежда и последний шанс всё исправить.

— Я? — я почти рассмеялась, но смех застрял в горле, горький и бесполезный. — Я, если честно, даже не знаю, что и как там можно исправить. После услышанного начинаю подумывать, что быть призраком не так уж и плохо. Пожалуй, вернусь на землю. — Я поднялась с кресла, чувствуя, как земля под ногами кажется твёрже, чем этот призрачный берег. — Спасибо за приятную компанию и увлекательную историю, но, пожалуй, я пас.

— Я не смогу вернуть тебя на землю. Ты умерла в теле Ольги. Если бы я не забрала тебя, то ты ушла бы на перерождение вслед за ней.

Я офигела и растерялась, мир на секунду замер, и даже ветер перестал шептать.

— И что теперь делать? — плюхнулась в кресло, чувствуя, как силы покидают меня, как вода уходит сквозь пальцы.

— У тебя два варианта: перерождение или моё предложение.

— Но... я не знаю, чем помочь этому миру, — прошептала, глядя на радужные цветы, которые теперь казались не волшебными, а насмешливыми, будто смеялись над моей беспомощностью.

— Решай быстрее, у нас заканчивается время. Если умрёт Эмилия, вариантов у тебя не останется, как и шанса на спасение у моего мира.

— Хорошо, хорошо, умирать как-то не хочется, тем более я толком и не жила, — постукала пальцами по столешнице, собирая мысли в кучу, как рассыпавшиеся бусины. — Язык, чтение, письмо я буду уметь, и понимать всё это?

— Да, — лаконично.

— Память предыдущей хозяйки и умение пользоваться магией? Мне же надо как-то ориентироваться в мире.

— Память буду возвращать по частям, пока будешь спать в течение недели, чтоб мозг не перегрузить. Иначе можешь не выдержать и умрёшь от кровоизлияния головного мозга. Из них же узнаешь о магии и как ей пользоваться, но практиковаться придётся самой. Всё время вышло.

Богиня встала и направила на меня свою руку. Свет, исходящий от её ладони, был мягким, но ярким, словно в нём собрались все рассветы мира.

— Подождите, я ещё не всё спросила, и ут...

Не слушая меня, она дотронулась до моего лба, и я погрузилась в тьму — не холодную и страшную, а тёплую, обволакивающую, будто сама вселенная решила на мгновение прикрыть меня своим крылом.

ГЛАВА 4

Пробуждение было не из приятных — будто кто-то вдавил в виски два раскалённых гвоздя и теперь медленно их проворачивал. Голова болела жутко, каждый вдох отзывался острой волной, прокатывающейся от затылка к вискам. С трудом удалось открыть глаза — мир предстал размытым пятном, словно кто-то плеснул воды на стекло, и теперь сквозь мутную пелену приходилось пробиваться взглядом. Всё плыло, сливалось в бесформенные кляксы, и от этой беспомощности подташнивало ещё сильнее.

Человеку, который ни дня не болел (я же могу теперь себя так называть?), терпеть такое трудно. А кстати, я же не успела уточнить — знаю только, что аристократка. Может, я и не человек вовсе. Что-то мне уже страшно. Прикладывая титанические усилия, подняла руку и поднесла к лицу. Постаралась сфокусировать зрение — не выходит. Но вроде шерсти нет, уже неплохо. Хотя... оборотни же могут принимать человеческий облик. Как же всё сложно. Тяжело не знать элементарного.

Мои движения не остались незамеченными. Ко мне тут же кто-то подошёл.

— Очнулись? Хвала богине! — заговорило мутное пятно.

Даже богиню упомянул, а она утверждала, что её все забыли.

— Как вы себя чувствуете, госпожа? Мы все так переживали за вас. Место себе не находили, — причитал мужчина, и в его голосе слышалась не просто забота — в нём звенел страх, густой и липкий, как смола.

Ну вот, не всё так плохо: меня здесь любят... или боятся. Разница, впрочем, в такие моменты почти незаметна.

— Надо оповестить мистера Вейлинса, — рвануло это пятно в сторону.

Интересно, кто этот Вейлинс? Послышался звук открывающейся двери — резкий, сухой щелчок, будто сломалась тонкая ветка, — тихое перешёптывание, и мужчина вновь вернулся ко мне. Я молчу, собираю информацию, как путник подбирает по дороге камни, чтобы потом разобрать их и понять, из чего сложена эта чужая земля.

— Может, будут какие-то пожелания? — слишком заискивающий голос был у говорившего, в нём дрожала натянутая струна, готовая порваться от любого резкого слова.

— Голова болит, и вижу всё только мутными пятнами, — ответила я, и собственный голос удивил меня: бархатный, мелодичный, будто не мой, а позаимствованный у кого-то, кто привык, что каждое его слово слушают.

— Сейчас, сейчас, — что-то зашуршало, зазвенело, и моих губ коснулось прохладное стекло. — Вот, выпейте, это зелье снимет боль. Зрение тоже скоро восстановится. Это из-за ушиба головы.

А, так при падении я башкой приложилась. А жизнь-то налаживается. Обо мне беспокоятся, заботятся, болит только голова, значит, не вся переломалась. Буду искать положительные моменты — так легче адаптироваться к новой реальности, словно цепляешься за соломинки, чтобы не утратить в водоворот чужих правил и чужих жизней.

Вскоре открылась дверь — тот же сухой, резкий звук, — и вот надо мной склонились уже два мутных пятна.

— Очнулась? — заговорил второй приятным, по-мужски властным голосом. — Слава богине. — Вот ещё один переживает... или делает вид. — Как я уже устал от твоих выходов.

А может, и не переживает.

— Можешь меня наказать, но я всё скажу, — вырвалось у меня, и фраза повисла в воздухе, нелепая и смелая одновременно.

Хорошее начало, главное — многообещающее.

— Сколько уже можно? Когда ты успокоишься? Что тебе всё равно на меня, я понял сразу после свадьбы.

Что?! У меня есть муж? Это первое, что мне должна была сказать Азазель. Как она могла?

— Подумай хотя бы о себе, — продолжал распинаться муж, и каждое его слово падало, как тяжёлый камень в тихий пруд, поднимая круги боли и недоумения. — А заодно об остальных. Я понимаю, тебе плевать на всех. Но в чём мы виноваты? Скажи мне. Ты не бессмертна. Чтоб так легко относиться ко всему. У тебя, по-моему, предостаточно острых ощущений, чтоб не искать их самостоятельно. Зачем ты полезла на башню? Что ты хотела увидеть в заброшенной башне? А если бы ты расшиблась насмерть? Что тогда? Все рабы умерли бы в ту же секунду! Ты же знаешь, что их жизнь зависит от твоей! Я понимаю, тебе нет дела до жизней каких-то рабов. А остальные? Всех, кто находится в твоём подчинении, казнили бы. Ведь женщина — это святое! — с презрением выплюнул он последнее предложение. — В чём мы виноваты? Неужели в тебе нет и крохотной частицы человечности или хотя бы сострадания? Хоть к одному из окружающих тебя существ. Что с тобой говорить. Только воздух зря сотрясать.

Он развернулся и ушёл, и звук его шагов стих так же резко, как и начался, оставив после себя звенящую тишину, в которой я продолжала лежать, прикидываясь мёртвой, закрыв глаза, лишь бы не выдать своих настоящих эмоций. Почему богиня мне не сказала, что в случае смерти Эмилии умрёт ещё несколько человек? А кстати, сколько?

Открыла глаза. Второе пятно так и стоит рядом.

— Как тебя зовут? — решила познакомиться. — Зрение не восстановилось, ещё и в памяти пробелы, половины не помню.

— Микаэль, госпожа, — отозвался он спокойно, без прежнего волнения, будто привык к тому, что мир постоянно рушится и его нужно собирать по кусочкам.

— А сколько народу в замке, в моём подчинении?

— Тридцать рабов, двадцать слуг, господин Вейлинс и пятьдесят стражников, — отчитался Мик, и цифры легли на сознание холодным, тяжёлым грузом.

Это получается, вместе с Эмилией мог умереть сто один человек. Если бы я не согласилась. Какой кошмар. Теперь понятно, почему они все так переживают. Они не меня любят, а за себя боятся. Даже осуждать не буду. Достаточно скучное времяпрепровождение.

Постельный режим длился четыре дня. Муж больше не объявлялся. Да вообще больше никто не приходил. Только Микаэль неизменно был рядом, приносил еду, менял компрессы, тихо разговаривал сам с собой, будто знал, что молчание тяжелее боли. За это я ему очень благодарна, но вслух ни разу не сказала — чтоб не выдать себя.

Из плюсов — ко мне вернулось зрение. Рассмотрела Мика и комнату. Комната оказалась просторной, с высокими потолками и узкими окнами, сквозь которые лился бледный свет, ложась на пол длинными прямоугольниками. Стены были обиты тёмным деревом, пахнущим смолой и временем, а мебель — строгой и тяжёлой, будто созданной не для уюта, а для того, чтобы напоминать о статусе.

Мик оказался эльфом. Высокий, молодой, с кожей, похожей на тонкий фарфор, который боишься задеть, чтобы не оставить царапины. Удлиненные, заострённые ушки, кипельно-белые волосы длиной до талии — всегда собраны в высокий хвост, будто даже в этой мелочи он стремился к порядку. Симпатичное лицо, спокойное, без лишней мимики, как у человека, привыкшего держать эмоции под замком. Одет всегда в тёмные штаны и белую рубашку — словно в офисе работает, только офис этот — целый замок, а его должность — быть тем, кто не даст этому замку рассыпаться.

Я чуть не полезла потрогать его ушки — еле сдержалась, прикусив язык, чтобы не выдать своего изумления. Мир был чужим, пугающим и одновременно манящим, как тёмный лес, в который хочется войти, хотя и знаешь, что там могут водиться волки.

Покои, в которых я находилась, — это... просто ужас, на мой взгляд. Всё в красных тонах с золотым тиснением, будто кто-то решил превратить комнату в гигантский театральный занавес, только без сцены и без зрителей — лишь с одной загнанной в угол актрисой. Кровать большая, мягкая и удобная — человек пять можно разместить. Конечно же, с балдахином. Красным. Нет, не так. С КРАСНЫМ! Красный бархат с золотой вышивкой — это перебор. По мне, так вся комната — перебор. Как тут можно жить?

Стены обиты красной тканью, тяжёлой и плотной, словно она впитывает не только свет, но и эмоции, делая их гуще и темнее. Шторы — красные, с золотым рисунком, который сплетается в витиеватые узоры, похожие на застывшие языки пламени. Да тут куда ни глянь — всё красное. Только мебель из тёмного дерева, будто мастера в последний момент опомнились и решили: «Ну хоть что-то должно быть не в тон». Эта комната вгоняет в раздражение и злость, давит на виски, как слишком тесный головной убор. Держусь из последних сил, чтоб не сорваться на Микаэля, хотя он тут ни при чём.

За четыре проведённых дня в постели только пила настои, ела и спала — и так по кругу, монотонно, как капли воды, падающие на один и тот же камень. Уже вернула достаточно много воспоминаний. Только теперь я жалею об этом. Уже вообще ничего вспоминать не хочу. В один из дней после пробуждения выгнала Микаэля из комнаты и два часа провыла в подушку — тихо, чтобы никто не услышал, но так, что казалось, будто сама комната дрожит от моего беззвучного крика. Каждый раз уговаривала себя, что хуже быть не может. И каждый раз убеждалась в обратном.

Это не мир — это ад! Именно сюда должны попадать грешники. Тут не место нормальным людям... существам. Не представляю, как можно так жить... хотя сейчас как раз-таки представляю. Лучше бы не знала. Прикинулась бы, что память потеряла. Не хочу вспоминать эти ужасы. Боюсь, когда память вернётся полностью, я уже не смогу быть прежней. Не хочу, чтоб прошлое этого тела меняло меня, не хочу видеть всё это в кошмарах. Но обо всём по порядку.

Бывшая хозяйка этого замка, Литиция, купила Эмилию у крестьянской семьи. Они прикрывались благими намерениями, что у их ребёнка будет лучшая жизнь. По мне, так просто продали, чтоб было на что жить. Какая нормальная мать продаст своего ребёнка? Я вообще сомневаюсь, что в этом мире остались человеческие жители.

Детство у девочки как такового не было. Были только постоянные и нескончаемые занятия: танцы, этикет, науки, уроки магии, навыки управления поместьем. Рядом были только слуги. Забота с их стороны была, только больше там было желание угодить госпоже, а не помощь ребёнку. Их улыбки были натянутыми, как струны, готовые лопнуть от малейшего напряжения, а взгляды — осторожными, будто они боялись ненароком задеть хрупкую, но смертельно опасную вещь.

В подростковом возрасте Литиция стала вводить девочку в свет. Бесконечные балы и посиделки с аристократками. Любое мероприятие неизменно заканчивалось показательным наказанием раба. Эмилию готовили к жестокости мира, словно закаляли клинок, не думая о том, что сталь может треснуть под слишком сильным ударом. Я стала понимать, почему женщины жестоки: с самого детства в них искореняют всё человеческое, выжигают, как сорняки, чтобы на этой выжженной земле могли расти только шипы.

Литиции уже нет в живых. Она заболела чем-то неизлечимым. По описанию симптомов похоже на земной рак головного мозга. Так как её смерть не имела внешних обстоятельств, никого не казнили. Но вот своих пятнадцать рабов Литиция не захотела продать или подарить — им пришлось умереть вместе с ней. То ли боялась умирать одна, то ли решила напоследок напакостить хоть кому-то. Их тихие, покорные лица мелькали в моих воспоминаниях, как тени, не успевшие найти свой путь к свету.

За два месяца до смерти она заставила Эмилию выйти замуж за Вейлинса. Он оказался её сыном. Но странно другое: у него фамилия отца — Беквл, а вот Эмилиии она дала свою — Орельская. Сына, как мне кажется, она всё же любила. Может, по-своему, извращённо, но любила. Если бы не брак, то после принятия наследства Эмилия могла выставить его за дверь. Вот такие тут законы. А разводов нет.

Эмилия не хотела этого брака, только и отказаться не могла. Она не подпускала к себе Вейлинса. Живут как соседи. Когда у меня будут все воспоминания, смогу сказать точно, но пока в них нет близости. Они разговаривают крайне редко, в основном по делу, и слова между ними звучат сухо, как сухие листья, шуршащие под ногами в безветренный день. Спит Эмилия исключительно с рабами — когда ей захочется.

Чаще она оттачивает на них мастерство пыток. Битьё плетью и розгами — это для начинающих. Как оказалось, тут же такой набор колюще-режущих предметов, который и хирургам не снился. А какие тут постельные игрушки... Есть, конечно, и привычные для Земли. Их используют рабы по отношению к Эмилиии с её приказа. Да, она не всегда спит с ними тра-

диционно. Заставляет использовать игрушки и отпускает неудовлетворённых мужчин. Хотя, наверное, удовольствие они вообще никогда не получают — это под запретом. Есть ещё и усовершенствованные игрушки: фаллоимитаторы с лезвиями и иглами. Вот их она использует по отношению к рабам. Думаю, не стоит напоминать, что рабы тут только мужчины. Эти жуткие картины будут преследовать меня всю жизнь. Собственно, как и секс между рабами, анальный и оральный. Этот ужас и мерзость повергли меня в шок и истерику. Я боюсь вспоминать дальше. Мне просто страшно узнать, что ещё могли придумать эти извращенки и садистки. Надо постараться забыть об этом.

О магии я теперь знаю всё. Только практики нет. Не уверена, что смогу ей пользоваться без вреда для окружающих. Кстати, я и мой муж — люди. Я владею магией воды, земли и воздуха. Ещё обучена варить зелья, но Эмилия этим не увлекалась. Вейлинс — маг огня и воздуха.

Потихоньку начала передвигаться по покоям. Голова ещё кружится, но стараюсь не обращать внимания. Хочу быстрее сбежать из этой красной комнаты, из этого удушающего великолепия, которое давит на грудь, как тяжёлое одеяло в жаркую ночь. Долго рассматривала себя в зеркало. Стройная фигура, песочные часы, будто вылепленные чьей-то умелой рукой. Блондинка с вьющимися волосами до середины спины — они ложились на плечи мягкими волнами, словно пытались прикрыть то, что не хотелось видеть. Большие выразительные глаза, в которых теперь отражался не свет, а тень чужих воспоминаний. Аккуратный ровный носик и чуть пухлые губы, которые, казалось, хранили молчание о слишком многом. Природа наградила идеальной внешностью — будто специально, чтобы спрятать уродство, творящееся внутри.

ГЛАВА 5

Пятый день начался не стандартно. Память пополнилась жуткими картинками пыток — они врываются в сознание, как ледяные иглы, вонзаясь в каждый нерв, оставляя после себя липкий холод и горький привкус ужаса. Но вместе с кошмарами пришла и полезная информация, словно кто-то вложил в голову сухие, безжалостные факты, чтобы я могла хоть как-то ориентироваться в этом безумном мире.

Оказывается, Эмилия оставляла рабов в пыточных — комнатах для наказаний, как она их высокопарно называла. Там рабы находились без еды и воды до распоряжения госпожи. Однажды Эмилия уехала в гости к королеве Камилии и пробыла неделю. За эту неделю несколько рабов умерли — без лечения, без воды, без малейшего шанса. Их последние часы были наполнены тишиной, в которой не было ни криков, ни слёз, только тяжёлое, сдавленное дыхание, угасавшее, как фитиль догоревшей свечи.

Не знаю, есть ли в пыточных кто-то сейчас. Поэтому, только открыв глаза, я отдала распоряжение Микаэлю, и голос мой прозвучал твёрже, чем я чувствовала себя внутри:

— Распорядись: если есть кто-то в комнатах для наказаний, всех отпустить, накормить, напоить и подлечить.

— Подлечить? — удивился он, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность, смешанную с надеждой — будто он боялся поверить, что этот приказ не шутка и не очередная жестокая игра.

— Да, — ответила я, отправляясь в купальню, и каждое слово отдавалось во мне эхом, словно я впервые сказала что-то по-настоящему своё.

Проговорилась. Эмилия не лечила рабов. Они заботились друг о друге сами, насколько хватало знаний и сил — перевязывали раны тряпками, смоченными в холодной воде, делились последними крошками хлеба, шептали друг другу какие-то слова утешения, которые звучали скорее как заклинания. Ну и ладно. Не могу оставить людей... существ страдать. Пусть это будет первым моим шагом в этом мире — маленьким, но настоящим.

Ванная вся в голубых тонах — нежных, прохладных, словно кусочек неба, упавший на пол. Душа нет, вместо привычной ванны — целый бассейн, вода в нём переливалась, как жидкое стекло, отражая свет так, что казалось, будто под поверхностью прячутся крошечные звёзды. Туалет почти привычный, только бочка отсутствует — смывается артефактом: стоило коснуться небольшой пластины, как воздух едва заметно дрожал, и всё исчезало без следа. Раковина вполне привычная для Земли, с гладкими краями и серебряным краном, изогнутым, как крыло птицы. Тут моя душа отдыхает. Так бы и сидела целый день, лишь бы в комнату не возвращаться, не видеть этого удушающего красного великолепия. Надо с этим что-то делать.

Вышла в комнату. Микаэль стоит с платьем в руках, и ткань струится между его пальцами, как живая.

— Знаю, что госпожа ещё не до конца поправилась, но у вас сегодня назначена встреча, — неуверенно протянул он платье, будто боялся, что я оттолкну его вместе с этой роскошью.

— Хорошо, — быстро согласилась я, радуясь выходу из «заточения». Даже если впереди ждёт что-то неприятное, это всё равно лучше, чем ещё один день в этих стенах.

Переодевалась в купальне самостоятельно. Мик предлагал помощь, но я отказалась. Он был удивлён — в этом мире госпоже не полагалось делать что-либо самой. Похоже, раскроют меня на мелочах.

Стою в платье, разглядываю себя в зеркале. Платье великолепное, но несколько откровенное — само по себе чем-то напоминает радугу, только не ту, что появляется после дождя, а ту, что рождается в призме, преломляя свет на сотни острых граней. Плавный переход цвета от сиреневого к голубому, переходящему в зелёный, а тот, в свою очередь, в жёлтый, создавал иллюзию движения, будто ткань жила своей жизнью. Нежная, лёгкая ткань юбки с разрезом до середины бедра открывала ногу так дерзко, что каждый шаг казался вызовом. Верх — плотный сине-голубой, расшитый драгоценными камнями, которые ловили свет и рассыпали его по комнате, как искры. Держится вся эта конструкция на груди, только непонятно как: лямки висят на руках, словно забытые, а вырез почти до пупка. Вроде сидит плотно по фигуре, что удивительно, но чувство, что вот-вот и упадёт к ногам, не покидало, заставляя инстинктивно придерживать ткань.

Выгляжу превосходно — аж сама себе завидую, но крайне некомфортно себя чувствую. Словно голая, выставленная на всеобщее обозрение, где каждый взгляд — это прикосновение, которого я не хочу. На безымянном пальце — золотое кольцо в форме бабочки, скорее всего, обручальное. Инкрустировано драгоценными камнями, бриллианты, естественно, преобладают, сверкая так холодно и безупречно, будто хотели напомнить: «Ты здесь не свободна».

Я мельком рассматривала гардероб бывшей хозяйки тела. Там нет ни одного домашнего платья. Она даже по дому ходила, как на королевском приёме. Все платья — шедевр на шедевре, сшитые так, чтобы каждый шов кричал о богатстве, каждая вышивка — о статусе. Наверное, это способ выставить свой достаток напоказ. Это как на Земле — золотые часы Rolex с бриллиантами, только вместо часов тут целая жизнь, выстроенная как витрина. В который раз убеждаюсь: миры разные, а повадки одинаковые.

Выхожу из ванной. Микаэль стоит не дышит, словно застыл в янтаре, и только глаза живо бегают по мне, пытаясь прочесть что-то в моём лице. Натыкаюсь взглядом на балдахин кровати и хмурюсь — красная ткань нависает, как грозовая туча, тяжёлая и душная, и каждая складка кажется насмешкой. Надоел.

— А мы можем убрать эту хрень? — интересуюсь, некрасиво тыкая пальцем в красное бесящее нечто, и палец тонет в бархате, как в чём-то липком и нежеланном.

— П-простите, госпожа, что убрать? — заикаясь, переспрашивает Мик, и в его голосе звучит не просто удивление, а почти паника, будто я предложила снести стену.

Надо учиться контролировать речь. Обвожу взглядом комнату и понимаю, что балдахином тут не обойтись. Красный давит отовсюду — со стен, с потолка, из каждого угла, словно эта комната создана не для жизни, а для медленного удушения.

— А пойдём посмотрим соседние покои? — подхватываю Мика под локоть и с облегчением покидаю комнату. Его рука под моими пальцами окаменела, но я сделала вид, что не заметила.

Идём по коридору. Микаэль напряжен, как струна, каждый его шаг — это осторожность, выверенная до миллиметра, словно он идет по тонкому льду, который может треснуть от любого неосторожного слова. Стены коридора обшиты тёмным деревом, кое-где висят картины в тяжёлых рамах — портреты незнакомых людей с жёсткими лицами и пустыми глазами, словно они осуждают меня за то, что я смею дышать в их доме. Охрана у дверей моих покоев проводила нас удивлённым взглядом, и я почти физически ощутила, как два пары глаз впились мне в спину, полные недоумения. Покопавшись в памяти, поняла — опять допустила ошибку. Эмилия никогда никого не трогала, и её руки касались лишь тех, кого наказывала, а не тех, кому хотела помочь. Мой же жест — лёгкий, дружеский — в этом мире выглядел страннее любого преступления.

Перед первой попавшейся дверью останавливаюсь, отпускаю Мика и открываю дверь. Заглянула через порог.

Ммм, да, слишком мрачно. Всё чёрное, как в склепе, — чёрный бархат, чёрное дерево, чёрный камень камина, и даже свет, пробивающийся сквозь тёмные шторы, казался траурным, словно комната оплакивала сама себя. Брр. Закрываю дверь и иду дальше.

Все не то. Чёрная — давит, как ночь без звёзд. Красная — ещё один склеп, только поярче. Золотая — блестит так, что режет глаз, словно кто-то обклеил комнату монетами, и каждая кричит о жадности. Тёмно-бордовая — пахнет застарелой кровью, хотя, может, это лишь воображение, разыгравшееся после воспоминаний Эмили. Кристально-белая — как в больнице: стерильная, холодная, безжизненная, в которой нет ни одного тёплого пятна, ни одной ноты уюта. Тёмно-синяя — тяжёлая, как ночное небо перед бурей. Были даже пара коричневых — мрачных и сонных, словно комнаты решили навсегда погрузиться в осеннюю спячку.

Что, в целом замке нет хоть одной нормальной комнаты? Уже отчаявшись, подхожу к последней двери. Ни на что особо не надеясь, открываю и замираю.

Светлая, уютная, нежно-зелёных оттенков — комната дышала, словно кто-то наконец пустил сюда весну. Тёплый свет струился сквозь полупрозрачные шторы, ложась на пол мягкими дорожками, а стены, окрашенные в цвет первой травы, словно шептали: «Останься, тут можно выдохнуть». Всё гармонично, ничего лишнего, никаких кричащих красок, никаких удушьяющих балдахинов. Кровать поменьше моей, но человека четыре поместятся — с лёгким покрывалом цвета топлёного молока, на котором так и хотелось растянуться, закрыв глаза. В углу стояло кресло с мягкими подушками, а на подоконнике — маленький горшок с цветком, который, судя по всему, жил здесь сам по себе, без ухода и без заботы, но упрямо тянулся к свету.

Вхожу, останавливаюсь в центре и заключаю:

— Теперь я буду жить здесь! — улыбаюсь, словно в лотерею выиграла, и эта улыбка — первая настоящая за все пять дней в чужом теле.

— Это моё наказание? — слышу сбоку. — Мне искать другие покои или остаться?

Оборачиваюсь, и улыбка сходит с лица, как тает иней под первым лучом солнца. Из купальни вышел Вейлинс. Бёдра обёрнуты полотенцем, вторым он вытирает волосы, пристально за мной наблюдая. Высокий, с кубиками пресса, на которых играли тени от окна, и на груди перекачиваются мышцы от движения рук, словно под кожей кто-то живой дышит и двигается. Волосы цвета молочного шоколада, коротко стриженные, чуть влажные, и капли воды блестят на плечах, как россыпь мелких бриллиантов. Мужественное лицо, но симпатичное — жёсткие скулы, упрямый подбородок, но губы не тонкие и не жестокие, а скорее сжатые, будто он привык держать рот на замке. Зелёные глаза — яркие, пронзительные, как первый луч, что пробивается сквозь листву весеннего леса, — смотрят на меня выжидающе, и в них читается не только раздражение, но и что-то ещё, что-то, что он сам, видимо, не хочет показывать.

Прикрываю свои глаза, делаю глубокий вдох-выдох, и воздух проходит сквозь лёгкие, как сквозь кузнечные мехи, — жарко, тяжело, — и говорю.

— Не надо ничего искать. Я не знала, что покои заняты.

— Я бы удивился, если бы ты знала, — стоит, ухмыляется, и эта ухмылка скользит по его лицу, как тень от облака по полю — лёгкая, но заметная, меняющая всё вокруг. — Слышал о рабах из подвала. Что на тебя нашло?

— Прислушалась к твоим словам. Они не виноваты, — задираю подбородок, стараясь держать себя в руках, и этот жест выходит чуть резче, чем хотелось бы — будто я пытаюсь удержать равновесие на качающейся палубе.

— Удар головой был сильнее, чем я думал, — бросает он, и в его голосе нет злости, скорее усталое недоумение, будто он смотрит на что-то, что никак не может сложить в привычную картину.

Не отвечая на его колкость, разворачиваюсь и молча выхожу. По коридору почти бегу — каблуки цокают по каменному полу, звук получается резким, дробным, будто отсчитывает секунды моего бегства. Останавливаюсь у своих покоев, тыкаю пальцем в дверь, чувствуя, как внутри всё кипит, а снаружи остаётся только эта упрямая твёрдость.

— В максимально возможные, кратчайшие сроки сделать всё как у Вейлинса, — слова вылетают, как стрелы, меткие и нетерпеливые.

— В какие сроки? — Микаэль смотрит на меня с той самой смесью осторожности и надежды, которая появляется у тех, кто привык, что приказы меняются быстрее, чем успевает осесть пыль.

— Как можно быстрее, — мысленно стучу себе по голове, досадуя на собственную несдержанность, на то, как легко прорывается наружу всё, чего раньше здесь не было. — Пойдём в столовую, завтракать.

Спускаюсь в столовую. Ступени под ногами широкие, отполированные веками шагов, и каждый мой шаг отдаётся в груди, словно я спускаюсь не просто по лестнице, а в другой мир, где всё устроено иначе.

Стол накрыт — белоснежная скатерть лежит ровно, как застывшая волна, а на ней расставлены блюда с такой тщательностью, будто каждое из них — часть сложного ритуала. Фарфор тонкий, почти прозрачный, серебро блестит сдержанно, без кричащей роскоши, и от этого кажется даже более дорогим. Мне одной явно много — тарелки, чашки, приборы, блюда с едой, будто накрыли на целый приём, а не на скромный завтрак. Смотрю на приборы и понимаю, что завтракать будут трое. Или, скорее, обедать — судя по времени, солнце уже поднялось высоко, и его лучи, пробиваясь сквозь высокие окна, ложатся на стол золотыми прямоугольниками, подсвечивая каждую деталь, словно подчёркивая: здесь ничего не бывает просто так.

ГЛАВА 6

Сажусь на своё место — точнее, на место хозяйки, и тяжёлый резной стул будто напоминает о своём праве быть здесь дольше меня: дерево потемнело от времени, покрылось сетью мелких трещин, как морщинами, и даже запах у него был особенный — старой полировки, пыли и едва уловимой горечи, будто этот стол помнил слишком многое.

Не дожидаясь остальных, приступаю к трапезе. Вилка звенит о фарфор — тонко, почти жалобно, и этот звук словно торопит меня. Внутренний голос так и кричит: «Ешь быстрее, а то скоро аппетит пропадёт». И он не обманывает.

Только я успеваю проглотить пару ложек, как в столовую входит муж — при полном параде, в сером костюме, будто сошедшем со страниц романов восемнадцатого века: строгий крой, тонкие серебряные нити в ткани, подчёркивающие статус, манжеты с тяжёлыми запонками, которые поблёскивают при каждом движении. Он держится прямо, с той самой небрежной уверенностью, которая даётся только рождённым в роскоши — не показной, а впитанной с молоком матери.

А следом за ним — какой-то тип. Костюм того же века, только бордовый, насыщенный, почти кровавый, и на фоне сдержанной элегантности Вейлинса он выглядит кричаще, будто хотел не вписаться в этот дом, а перекричать его. Рожа мерзкая — сразу вызывает неприятие, и дело не только в чертах лица, а в том, как они собраны: взгляд надменный, тяжёлый, будто он уже заранее знает, что все вокруг ниже его, и снисходительно позволяет им существовать рядом. Брови странные, почти домиком, а левую разделяет шрам — тонкий, белёсый, как застывшая молния, он рассекает бровь и чуть спускается к виску, добавляя лицу хищного, неприятного изящества.

В комнате будто становится темнее, хотя солнце по-прежнему льётся сквозь окна, и его золотые квадраты теперь кажутся не тёплыми, а жёсткими, словно свет пытается оттолкнуть этого человека, но не может.

«Кто это?» — мысль бьётся в голове, как птица о стекло, отчаянно и глухо. И самое неприятное — я не нахожу ответа в памяти Эмилии, будто это лицо специально держалось в тени, чтобы однажды появиться вот так, без предупреждения, и испортить день одним своим присутствием.

Муж садится по левую руку от меня — стул едва слышно скрипит, будто вздыхает под тяжестью его спокойной, уверенной осанки. Этот хмырь — по правую. Бесцеремонно хватая мою руку и целует, с лукавой улыбкой заглядывая в глаза — в этом жесте столько показной нежности, что она кажется ядовитой, как сладкий сироп, в который подмешали горечь. Аккуратно высвобождая конечность и вопросительно приподнимаю бровь — жест выходит не надменным, а скорее усталым, будто я пытаюсь удержать равновесие на скользком льду.

— Приветствую тебя, Эмилия, — произносит хриплым голосом с придыханием, и в этом голосе столько фальшивой страсти, что по коже пробегает неприятный холодок. — Я так скучал. Считал минуты до нашей встречи.

Это ещё что такое?! Внутри всё сжимается в тугой узел, и я лихорадочно ищу хоть какую-то зацепку в памяти Эмилии, но там — только тёмные провалы и чужие, холодные эмоции, никак не похожие на мои.

— Со мной произошёл несчастный случай. Ударилась головой, и некоторые события пропали из памяти, — закидываю удочку, пытаюсь выкрутиться, и голос звучит чуть выше обычного, будто я сама не верю в то, что говорю. — Какие-то события уже вспомнила, но не все. Можешь напомнить, кто ты? — затаив дыхание, жду реакции, и тишина между нами становится густой, как туман, в котором можно утонуть.

— Смешно, — отвечает и заходится в диком хохоте, и этот смех звенит в столовой, как разбитое стекло, режущее слух.

Перевожу взгляд на мужа, ища помощи. В его глазах мелькает что-то неуловимое — то ли тень иронии, то ли усталое понимание того, что этот спектакль придётся доиграть до конца.

— Действительно забавно — делать вид, что не узнаёшь своего жениха, Билтара Кроула. Вы уже два месяца к свадьбе готовитесь, — произносит он ровно, без эмоций, и каждое слово ложится на стол, как тяжёлый камень. То ли так завуалированно помог, то ли стебётся надо мной — я не могу разобрать.

Что?! Какой ещё жених?! В груди всё обрывается, и на секунду мир словно теряет опору.

— Я же уже замужем, — говорю, пристально смотря на мужа, и в моём голосе звучит не вызов, а искреннее недоумение, которое невозможно подделать.

— И? — пожимает плечами, и в этом движении столько привычной небрежности, что становится жутко. — Женщина может иметь до пяти мужей и бесконечное количество рабов. Чем ты всегда и пользуешься. — В его взгляде промелькнула странная эмоция, которую я не успела распознать — то ли лёгкая горечь, то ли холодное удовлетворение. — Ты искала выгодную партию и нашла. Тем более и интересы у вас общие.

С недоверием перевожу взгляд на мужчину. Он уже не смеётся, а наблюдает за мной, как хищник, который ещё не решил, стоит ли нападать или лучше подождать. Сомневаюсь, что у нас могут быть общие интересы. Скептически осматриваю наглую рожу. Он растягивает губы в хищной улыбке, и от этого становится ещё противнее. Кривлюсь и отворачиваюсь, запоздало понимая, что показала своё к нему отношение. Быстро хватаюсь за голову, чтоб исправить ситуацию.

— Голова снова болеть начинает. Я, пожалуй, пойду в свои покои. Мне нужно отдохнуть, — слова вылетают торопливо, как будто я пытаюсь убедить не только из столовой, но и от всей этой реальности.

Поднимаюсь. Этот мужик всё никак не отвяжется.

— Я провожу.

— Нет, — поспешно отвечаю, и в этом «нет» столько отчаяния, что оно звучит почти как крик. — Меня Микаэль проводит, заодно и даст обезболивающий отвар.

Мик появляется в ту же секунду, будто ждал за дверью, готовый подхватить падающую крышу. Хватаю его за руку и тяну на выход, пальцы впиваются в ткань его рукава, и эта ткань — единственная опора в мире, который вдруг стал зыбким. Понимаю, что трусливо сбегаю, но ничего с собой поделать не могу. Хочу оказаться как можно дальше от этого мерзкого мужика, от его улыбок, от его голоса, от всего, что здесь считается нормой.

Захожу в комнату и встаю как вкопанная. Первая мысль: я ошиблась комнатой. Сколько меня не было? Полчаса? А тут всё другое. В точности как у Вейлинса — та же сдержанная элегантность, те же приглушённые тона, тот же воздух, в котором нет удушающей тяжести красного бархата. Улыбаюсь — и эта улыбка выходит настоящей, без притворства, потому что здесь, среди этих спокойных оттенков, я наконец чувствую себя чуть менее чужой. Присаживаюсь на кровать. Мик подаёт склянку с отваром.

— От боли, — поясняет на мой вопросительный взгляд, и в его голосе столько заботы, что на секунду становится тепло.

— Не надо. Я соврала, чтоб уйти, — признаюсь тихо, почти шёпотом, и слова эти падают на пол, как тяжёлые капли. — Что у нас с Билтаром может быть общего? — задаю вопрос, не надеясь на ответ, но Мик всё же отвечает.

— Посещение мероприятий, быть в центре внимания, играть с рабами, — говорит он спокойно, но в глазах читается напряжение, будто он боится, что эти слова причинят мне боль. При последних словах всплывают картинки игр, и меня начинает подташнивать, а перед глазами всё плывёт. — По крайней мере, раньше так было. Теперь не знаю. Вы сильно изменились, госпожа, — с опаской смотрит на мою реакцию. Её нет, и он продолжает: — Никто ничего не заметил пока, — выделяет последнее слово. — Так как вы ещё ни с кем толком не виделись и не общались. Господин Вейлинс подозревает, задаёт вопросы. Если бы я не прибыл сразу после падения, не лечил и не находился рядом постоянно, сказал бы, что передо мной другой человек.

— И что со мной не так? — прошлась по воспоминаниям и сама уже поняла, что. Только я не смогу быть Эмилией, даже наполовину.

— Всё не так, — тихо отвечает Мик, и в его словах нет осуждения, только констатация факта. — Вы не приказываете, не кричите, не злитесь, не приглашаете рабов, а даже наоборот — лечите. Не наказали мужа за его неподобающие высказывания.

— Боюсь спросить, как?

— Выселить из комнаты к рабам, голодовка — это лёгкие. Избить плетью...

— Всё, достаточно, — не выдержала, и голос сорвался, как струна. — Что он спрашивал обо мне?

— Как вы себя ведёте, почему не наказали его и тех, кто был рядом и всё равно допустил падение.

— И что ты ответил?

— Сказал, что вы плохо себя чувствуете и из-за болей больше спите.

— Я так понимаю, после сегодняшнего выхода в столовую все будут ждать от меня действий.

— Да.

— А можешь узнать, свалил... ушёл ли Билтар? — запнулась и вовремя исправилась, и Мик едва заметно кивнул, будто понял, что эта оговорка — не случайность.

Мик вышел, но уже через пару минут вернулся.

— Господин ещё в замке. Изъявил желание пообщаться с рабами, что сопровождали вас.

— Где он? — вскочила с постели, и сердце колотилось, готовое проломить рёбра. Паника захватывала всё сильнее, смешиваясь с яростью, которая обжигала изнутри. — Веди. Быстро.

Мы почти бежали по коридорам, спускаясь в подвал. Холодный камень под ногами, сырость, запах железа и чего-то горького — всё это сливалось в один сплошной кошмар. Сердце замерло. Врываюсь в пыточную. Краска отхлынула от лица, и перед глазами на секунду потемнело. К горлу подкатила тошнота, и я сжала кулаки, стараясь не потерять сознание, а так хотелось просто закрыть глаза и не видеть этого.

Картина предстала ужасающая. Трое рабов стоят на коленях, спины исполосованы плетью, она валяется рядом, тяжёлая, с металлическими вставками, будто специально созданная для того, чтобы причинять как можно больше боли. Четвёртый раб выглядит ничуть не лучше остальных: стоя на коленях, он ублажает эту мерзкую тварь... как там его... Билтара. Мне хватило двух секунд, чтобы оценить обстановку, и за эти две секунды во мне что-то сломалось и тут же срослось заново — жёстче, злее, решительнее.

— Быстро прекратить! — заорала, срывая голос, и звук моего крика отразился от каменных стен, усиливаясь, как эхо в ущелье.

Раб шархнулся в сторону. Остальные тоже отодвинулись, прижимаясь к стенам, будто хотели стать частью камня, чтобы их не заметили.

— Что здесь происходит? — спросила, злобно сверля глазами это чмо, и в этот момент я не чувствовала себя ни слабой, ни чужой — я была хозяйкой, и это место, эти люди, эта боль принадлежали мне, и я не позволю распоряжаться ими кому попало.

— Наказание, — ответил он ехидно улыбаясь, и эта улыбка была последней каплей.

Делаю глубокий вдох, два шага к нему и на выдохе шиплю, словно змея, готовая к броску.

— Какое ты имеешь право распоряжаться моей собственностью?

— Хотел помочь, пока ты болеешь, — отвечает уже не так уверенно, и в его глазах мелькает тень сомнения — он впервые видит меня такой, и эта новая Эмилия ему явно не нравится.

— Это мои рабы, — продолжаю шипеть, как дикая кошка, защищающая свою территорию. — Это мой дом! И всё в нём моё! Только я имею право решать, кто и что будет тут делать. Ты! — тыкаю пальцем ему в грудь, и каждый слог звучит, как удар молота. — Не имеешь здесь никаких прав. Ты! — хватаю его всё ещё болтающийся член второй рукой и сжимаю что есть сил. Он бледнеет и начинает поскуливать, и в этот момент в его надменности не остаётся ни грамма. — Дышать тут можешь только с моего позволения. Ясно тебе?! — рявкаю во всё горло, и голос звенит, как натянутая струна. — Пошёл вон! — убираю руку и вытираю её о платье, будто пытаюсь стереть не только прикосновение, но и сам факт его существования. Горло уже саднит от крика, но я продолжаю: — Чтоб я тебя здесь больше никогда не видела! Помолвка расторгнута, свадьбы не будет! Охрана! — по шуму понимаю, что они на месте. — Выкинуть за ворота и без моего личного приказа никогда не впускать.

Два здоровых амбала протискиваются и под руки уводят растерянного мужика, с всё ещё спущенными штанами. Его надменность рассыпалась, как сухой песок, и теперь он выглядел просто жалким.

Глубоко вдыхаю и перевожу взгляд на рабов. Они притихли, ещё ниже согнулись, и, кажется, перестали дышать, будто боялись, что даже их дыхание может стать поводом для нового наказания.

— Мик, парням оказать помощь в лечении, но не здесь... а там, где они живут, — сказала, не поворачиваясь, знала, что он где-то рядом, что он не оставит меня одну. — Я к себе.

Разворачиваюсь к выходу и встречаюсь взглядом с Вейлинсом. В его глазах — ничего, кроме холодной оценки, будто он пытается понять, что это за женщина стоит перед ним и как с ней теперь жить. Делаю покерфейс, прячу все эмоции за непроницаемой маской и покидаю подвал. Выяснять отношения желания нет — сейчас мне нужно просто остаться одной.

Находясь в комнате, тщательно отмыла руки, словно пыталась смыть не только чужую грязь, но и весь этот день, каждую его секунду. Вода стекала по пальцам, прозрачная, но мне казалось, что она уносит с собой что-то тёмное, вязкое, вьевшееся в кожу. Потом упала лицом в подушку. Так хотелось поплакать, выпустить всё, что накопилось, но слёзы не шли — только глухая, тяжёлая усталость. Жаль парней. Что за жизнь такая? Я двадцать лет мечтала иметь тело и жить как все. И вот у меня есть тело, живи как все. Только жить, как все здесь живут, я не хочу.

ГЛАВА 7

— Что за игру ты затеяла? — Вейлинс всё-таки решил выяснить отношения. Его голос звучал не как вопрос, а как обвинение, тяжёлое и холодное, будто он швырнул на стол кусок льда и ждал, когда тот начнёт таять от моего ответа.

— Ммм, — даже не стала вставать. Подушка под щекой была тёплой, привычной, и хотелось просто спрятаться в этом тепле, отгородиться от всего мира.

— Не ответишь? Впрочем, как всегда, — в его словах сквозила усталость, будто он уже заранее знал, что ничего не добьётся.

— Что ты хочешь услышать? — перевернулась на спину, уставившись в потолок. Трепщины на лепнине складывались в причудливые узоры, и я пыталась сосредоточиться на них, лишь бы не смотреть на него.

— Правду. Хочу знать, к чему готовиться, — произнёс он ровно, но в этой ровности чувствовалось напряжение, как в туго натянутой струне.

— Не надо ни к чему готовиться. Живи спокойно. После падения я просто пересмотрела взгляды на жизнь, — ответила, глядя в потолок, и сама себе не верила: слова звучали слишком гладко, слишком правильно, чтобы быть правдой.

— С трудом верится, — коротко бросил он, и в этом «с трудом» было столько скепсиса, что оно резануло по живому.

— А ты поверь, — голос прозвучал чуть резче, чем хотелось.

— Люди так быстро не меняются, — спокойно возразил он, словно ставил точку в споре, который даже не начинался.

— А я вот взяла и изменилась! — села в постели, зло сверкая глазами. И так плохо, он тут ещё в душу лезет, копается в ней, как в запертом сундуке, пытаюсь найти что-то, чего там уже нет.

— Что и требовалось доказать, настоящая натура проскакивает, — стоит, ухмыляется, и эта ухмылка бесит до скрежета в зубах.

— Да пошёл ты! — кинула в него подушкой, и она полетела по дуге, неуклюже, но с искренней злостью. Увернулся, гад, даже не поморщился, будто к такому привык.

— Действительно пойду. Думал, с тобой что-то случилось. Теперь вижу, что нет, всё такая же. Просто придумала новое развлечение, — развернулся и ушёл, и дверь за ним закрылась с тихим, но окончательным щелчком, будто поставила жирную точку в нашем разговоре.

А я разревелась. Сидела и ревела как дура, уткнувшись лицом в скомканную простыню, и слёзы текли сами по себе, без всхлипов, без надрыва — просто горячая влага, которая никак не хотела останавливаться. Пытаюсь как-то облегчить им жизнь, а они не верят и ищут подвох. Обидно до ломоты в груди, до ощущения, что ты делаешь что-то хорошее, а все вокруг ждут, когда ты покажешь когти. Пока ревела, не заметила, как уснула, и сон пришёл тяжёлый, вязкий, будто меня затащило в густой сироп, из которого не выбраться.

Проснулась на рассвете. Первые лучи солнца прокрались в комнату, легли на пол тонкими золотистыми полосками, и в этой тишине, когда замок ещё спал, память вернулась вся — целиком, без пробелов, как будто кто-то резко дёрнул рычаг, и все шестерёнки встали на свои места. Теперь я точно могу утверждать, что с мужем у меня отношений нет. На башню эта дура поперлась, чтоб оценить площадку: хотела купить раба-дракона и летать на нём. Амбиции у неё зашкаливали, и от этого становилось ещё горче — будто я смотрела на чьи-то чужие, нелепые мечты и не понимала, как можно было так заблуждаться. Билтар этот действительно был женихом. Она даже спала с ним. Фуу. Как мне жить с этой информацией? Свадьба должна была состояться через месяц. Они хотели объединить свои поместья и состояния, чтоб стать самыми богатыми после королевы.

Она, кстати, теперь одна, вместо прежних шести. Пока все упивались мезью аристократов, одна ушная тётка прибрала власть к рукам. У неё была дочь, которая ещё до проклятья успела родить тоже дочь. Всех троих уже нет в живых, но я точно знаю, что последняя тщательно выбирала себе преемницу. Времени прошло много, но думаю, стоит присмотреться к королеве. Может, она не так жестока, как остальные женщины. Что касается Билтара, то всем заправляет его мать. Ей немного осталось, вот он и старается прибрать всё к своим ручонкам. Если он не женится в ближайшее время, а его мать не успеет назначить преемницу, то судьбу поместья и всех его обитателей будет решать королева. Пора выходить в свет. И выстраивать хоть какой-то план действий, потому что плыть по течению в этом мире — значит утонуть.

— Госпожа, вы уже проснулись? — вошёл Мик, и его голос прозвучал неожиданно мягко, как осторожный стук в дверь, когда боишься потревожить. — Я отходил ненадолго, — начал оправдываться он, будто боялся, что я обижусь на его отсутствие.

— Не стоит. Я большая девочка, могу ночевать одна, — махнула рукой, стараясь выглядеть спокойнее, чем чувствовала себя. — Можешь узнать, когда и где состоится ближайшее собрание с участием королевы?

— Собрание? — в его глазах мелькнуло непонимание, как у ребёнка, которому сказали незнакомое слово.

— Праздник, бал, посиделки, — пояснила, стараясь не раздражаться.

— Ааа, хорошо. Что-то ещё?

— Неплохо бы позавтракать, а потом хочу посетить рабов.

— Зачем? Вы к ним ни разу не ходили. Скажите, кого позвать, я распоряжусь.

— Нет. Я просто хочу посмотреть, как они живут, — видела непонимание и удивление в его глазах, но уточнять он не стал, только кивнул, будто решил, что со временем всё поймёт. — Что с завтраком? — напомнила, чтобы не дать тишине снова стать слишком тяжёлой.

— А, да, сейчас разбужу повара. Ещё только пять утра, он наверняка ещё спит.

— Не стоит, — остановила Мика в дверях. — Подожди две минуты, и вместе пойдём, заодно и кухню посмотрю.

Заглянула в гардеробную. Прошлась вдоль платьев — они висели ровными рядами, как солдаты на параде, каждый на своём месте, каждый кричащий о статусе и богатстве. Ткань переливалась в полумраке, будто хотела привлечь внимание, но сегодня мне было не до них. Решила не заморачиваться и надела шёлковый халат. Ткань скользнула по коже, мягкая, прохладная, и на секунду стало легче — будто этот простой предмет одежды давал мне право быть собой, а не той, кем меня хотели видеть.

— Я готова.

— Вы пойдёте так? — Мик смотрел на меня с таким удивлением, что стало почти смешно.

— А что, нельзя? — ответила вопросом на вопрос, и в этом вопросе было больше вызова, чем я планировала.

— Нет, что вы, вам можно. Просто раньше вы в таком виде не выходили за пределы своей комнаты, — пояснял он, а сам нервно теребил край рукава, будто пытался найти в этом жесте опору.

— Как раньше уже не будет. Теперь будет много нового и непривычного. Так что привыкай, — подтолкнула эльфа к выходу, чувствуя, как внутри просыпается что-то похожее на решимость. — Скажи, а какая у тебя должность?

— Дол... что? — переспросил он, будто я заговорила на незнакомом языке.

— Чем ты занимаешься в моём замке?

— Тем же, чем и все, — уклончиво ответил он, и я поняла, что он не хочет признаваться в своей неопределённости.

— А подробнее, — выпрашивала, пока шли по коридору. Каменные стены хранили прохладу ночи, а воздух был свежим, почти звенящим от тишины.

— Стражи занимаются только охраной. Из двадцати слуг один повар, а остальные занимаются всем по мере необходимости, — пояснил он, и в этих словах слышалась какая-то горькая правда — будто никто здесь не знал своего места, и все просто плыли по течению, хватаясь за то, что подворачивалось под руку.

— Ясно. После осмотра рабов соберёшь слуг, буду вносить изменения, — получила утвердительный кивок и продолжила: — Я так понимаю, ты врачеватель?

— Есть знания, но не много, — признался он, и в его голосе прозвучала лёгкая неловкость, как у человека, который знает, что мог бы сделать больше, но не сделал.

— А ещё у кого-то есть способности к лекарскому делу?

— Предрасположенность есть у всех эльфов, тут важнее, учился ли он этому.

— И среди моих есть такие?

— Пара найдётся, но знания не так обширны. А вам зачем?

— Как зачем? Чтоб в замке был лекар. Мало ли что может случиться, — пожала плечами, будто это было самой очевидной вещью на свете.

— Что, например?

— Да откуда я знаю? Жизнь длинная, — и тут же мысленно усмехнулась: кстати, срок жизни в этом мире плюс-минус тысяча лет. Мне вот сто один год, и это только начало, если смотреть с их точки зрения.

Дошли до кухни. Никого. Тишина стояла такая, что было слышно, как где-то капает вода, отбивая медленный, размеренный ритм. Ну что, пора попробовать себя в этом деле. Я знаю много рецептов. Много раз видела, как Ольга готовит. Вроде не сложно. Сейчас и проверим.

— Знаешь, где что лежит? Будем готовить завтрак, — весело оповестила я, и мой голос прозвучал в пустой кухне неожиданно громко, будто хотел заполнить собой всю эту тишину.

— Я не так хорош в этом. Может, повара разбудить?

— Я сама приготовлю, если принесёшь продукты, — уверенно заявила, подняв повыше подбородок, и в этот момент почувствовала себя почти героиней какого-то нелепого, но очень важного приключения.

Не став спорить, Микаэль ждал команды к действию, и в его готовности было что-то трогательное — будто он был готов следовать за мной хоть на край света, лишь бы знать, что делает всё правильно.

— Вот и славно. Мне нужны яйца, молоко, помидоры, сыр. Ещё хлеб. — покопалась в памяти, вспоминая, что ела в этом мире, и продолжила: — Вяленое мясо и зелень.

— Какая зелень? Трава?

— Нет. Лук, укроп и большие листья такие... вчера на тарелке были.

— Это Оши, пучками растёт.

— Вот её и неси.

Мик пошёл за продуктами, а я стала осматривать помещение. Плита выглядела непривычно: вместо ручек переключения и включения конфорок лежали камни-артефакты, тускло поблескивающие в полумраке. Полазила по шкафам и нашла сковороду, глубокие миски, нож, вилку, соль, масло. Вооружилась ножом и стала ждать возвращения Микаэля. Вернулся он достаточно быстро, сложил всё на стол, и продукты легли рядом, как кусочки мозаики, из которых предстояло собрать что-то целое.

— Что делать?

— Можешь посидеть, дальше я сама, — он присел за стол, кидая недоверчивые взгляды, будто ждал, что в любой момент всё пойдёт не так. — Как ты смотришь на то, чтоб стать моим личным помощником?

— Конечно, — подорвался и подошёл ко мне, готовый к любым поручениям. — Что надо делать?

— Я не про завтрак. А про работу на меня. Будешь всегда где-то рядом, выполнять мои поручения. Ну, почти так же, как в последние дни, — продолжила прерванный ранее разговор, занимаясь приготовлением омлета с помидорами, зеленью и сыром.

— Так я этим и занимаюсь, — не понял сути он, и в его простодушии было что-то успокаивающее.

— Это да. Но я хочу предложить тебе эту должность на постоянной основе. Всё остальное ты делать не будешь, — увидев непонимание, начала пояснять: — Ну вот смотри. Мне нужен завтрак. Я говорю тебе, а ты поручаешь специальному человеку.

— Кому?

— Пока не знаю. Вот поговорю со всеми слугами, и будет ясно. Каждый получит свою должность.

— Что такое должность?

— Это название той профессии... того, чем человек будет заниматься. Ты будешь записывать какие-то данные, что-то будешь мне подсказывать или узнавать для меня, как, например, с балом, о котором я спрашивала. Давать поручения другим. Ясно?

— То есть если вам нужно сменить постельное бельё, я его не меняю, а говорю определённому человеку, так?

— Да.

— А что будет с остальными?

— Какими остальными?

— Ну, оборотнями, эльфами, дроу, нагами...

— А, поняла. Вот они и будут это делать.

— Вы же сказали говорить людям.

— Я просто обобщила. Просто слово «существа» звучит не очень.

— Хорошо, ясно, — он даже расслабился, будто наконец понял правила этой новой игры.

Выключив плиту, занялась бутербродами с мясом, сыром и оши, который был похож на земные листья салата. Поставила подогреть чайник. Точнее, ягодный взвар. Налила в две кружки, поставила на стол вместе с бутербродами. Разложила омлет в две тарелки, поставила к остальному и положила вилки. Мик всё время следил за моими действиями, и в его взгляде читалось что-то вроде восхищённого недоверия — будто он смотрел на фокусника, который только что достал кролика из шляпы.

— Садись ближе, будем завтракать.

— Я? — переспросил он так, будто ему предложили сесть на трон.

— А кто должен быть, по-твоему, второй? — спросила, присаживаясь за кухонный стол, и улыбнулась, стараясь снять напряжение.

— Н-не знаю, — ответил с запинкой.

— Садись, давай. Оценишь мою стряпню. Между прочим, первый раз готовлю, — дружелюбно улыбнулась, чтоб разрядить обстановку.

Попробовала первой. Мик чего-то опасался — то ли есть, то ли вообще находиться со мной за одним столом.

— Вкусно, — всё же сдался он. — Госпожа, это правда вкусно.

— Знаю, — улыбнулась чуть шире. — Раз ты стал моим помощником, давай на «ты» и без этой твоей «госпожи». Можно просто по имени, а ещё лучше по сокращённому имени.

— Это как?

— Вот ты Микаэль. А я зову тебя коротко — Мик. Ты не против? — эльф помахал головой, убеждая, что не против. — Вот. Можешь и меня называть Эм или Эми. Но Эм мне будет привычнее.

— Как скажете, гос... как скажешь, Эм, — исправился Микаэль, и в этом исправлении было что-то очень правильное.

— Вот и чудно, — улыбнулась одобрительно, и на секунду показалось, что всё не так уж плохо.

В дверном проёме появился зевающий, наверное, повар. Увидев нас, побледнел и выронил фартук из рук.

— Я это... я сейчас... я, — забормотал он, и слова рассыпались, как бусины из порванной нитки.

— Успокойся. Всё хорошо, — решила вмешаться, пока у повара инфаркт не случился. — Там остался ещё омлет, можешь положить себе и присоединиться к нам.

Кажется, я сломала повара. Он стоял, не шевелясь, не дыша и даже не моргая, будто превратился в статую. Встала, подошла, помахала рукой перед лицом.

— Ты в порядке?

— Да, да, всё хорошо, — заморгал парень, приходя в себя, и в его глазах читался такой ужас, будто он только что увидел привидение.

— Присоединяйся к нашему завтраку, — сказала как можно спокойнее, но голос всё равно звучал немного натянуто.

Села на место и продолжила трапезу. Он с опаской, но всё же сел за стол. Положил кусочек омлета в рот и стал задумчиво жевать.

— Нравится? — спросил Мик, повар кивнул. — Это Эмилия готовила, — сообщил широко улыбаясь, и я мысленно застонала: ой, зря-я-я.

Парень подавился и закашлялся. Правильно. Такое нельзя говорить человеку с набитым ртом. Госпожа готовила, САМА. Да ещё и в её присутствии её назвали по имени. У повара случился разрыв шаблона.

Он прокашлялся и поднял на меня затравленный взгляд.

— Что? Правда, я готовила, но впервые, — старалась сгладить острые углы, но не получилось. Видела, как он мысленно придумал себе наказание и исполнил его. — Не переживай, всё нормально, мне не спалось... и вот, — не знала, как выйти из этой ситуации, и слова сыпались, как сухие листья под порывом ветра.

— Ладно, — я встала, понимая, что больше ничего придумать не могу. — У нас с Миком ещё много дел. А ты можешь не спешить и продолжать завтрак.

Вышла в коридор, следом появился Микаэль.

— Напугали мы с тобой повара, — засмеялась я, и смех прозвучал немного нервно, но искренне.

— Дааа, я не подумал, что так получится, — почесал затылок, и в этом жесте было столько мальчишеской неловкости, что захотелось его обнять.

— Ладно, пойдём. Мне надо переодеться, и пойдём к рабам.

ГЛАВА 8

Стою посередине странного помещения. Большая комната с небольшими окнами под потолком — узкими, как щели, сквозь которые скупыми полосками сочится свет, едва достигая пола. Воздух здесь был другой: спёртый, тяжёлый, пропитанный запахом сырости, немых тел и чего-то горького, чему я не могла подобрать названия. Стены из грубого серого камня, не обшитые, не окрашенные — просто голая порода, словно комната была не создана для жилья, а вырублена в скале как временное хранилище для того, что никто не считал нужным беречь.

В несколько рядов на коленях стоят рабы в набедренных повязках — молча, неподвижно, с опущенными головами, будто каждый пытался стать как можно меньше, незаметнее, слиться с камнем, раствориться в тени. По всей комнате лежат какие-то тряпки — точнее, бывшие одеяла или простыни, непонятно. Истлевшие, слипшиеся от грязи, они скорее напоминали то, что выбрасывают, а не то, на чём спят. Судя по всему, они на них спят и... всё. ВСЕ! Больше ничего. Ни стола, ни стула, ни тумбочки, ни единой личной вещи — только голые стены, холодный пол и эти тряпки, разложенные в ряд, как могильные плиты. Как так? У домашних животных больше чистоты и личных вещей. В глазах стоят слёзы, и я моргаю, моргаю, моргаю, но они не уходят, а только становятся горячее. Ком в горле мешает говорить, и я сглатываю его, тяжело, как камень. Прочищаю горло, беру себя в руки и произношу.

— Тетрадь, карандаш с собой? — обращаюсь к Мику, голос звучит хрипло, но твёрдо. Получаю утвердительный кивок и продолжаю: — Записывай. Трусы, носки, рубашку, брюки и ботинки в двух экземплярах... по два комплекта, — исправляюсь. — Для каждого. Естественно, его размера. Мыльные принадлежности: мыло, шампунь, полотенце, расчёску, зубную щётку и порошок — каждому. — Обвожу ещё раз взглядом комнату, и взгляд цепляется за каждую деталь: трещина в стене, через которую сочится вода; тёмное пятно на полу, въевшееся так глубоко, что уже не отмыть; согнутые спины, на которых белые полосы старых шрамов выделяются особенно резко в скудном свете. — Записал? Хорошо. Надо найти другую комнату, а лучше несколько. Так, у нас сейчас по плану знакомство со слугами? Этих возьмём с собой, может, там и перетасуем.

— Что сделаем?

— Потом объясню. Теперь вы, — обращаюсь к рабам, и голос мой звучит неожиданно тихо, будто я боюсь спугнуть их доверие, которого пока нет. — С колен встать и больше на колени не падать... ни перед кем. Ясно. — Раздался нестройный хор голосов — тихий, осторожный, как шелест листвы, которую боится потревожить ветер. Они поднимались медленно, неуверенно, будто не верили, что разрешат стоять в полный рост, и каждый выглядел так, словно ждал подвоха. — Сейчас пойдёте с нами. Будем обзаводиться новыми должностями.

Развернулась на выход, вся делегация последовала за мной. Шли гуськом по узкому коридору, босые ноги шлёпали по холодному камню, и звук этот — мерный, робкий — отдавался эхом, будто замок с удивлением прислушивался к новой процессии.

Слуги нас уже ожидали в большой гостиной. Комната была светлой и просторной, с высокими потолками и лепниной, потемневшей от времени, но всё ещё величественной. Свет лился сквозь высокие окна, ложась на паркет мягкими прямоугольниками, и в этом свете лица собравшихся казались почти нормальными — не такими серыми и забитыми, как в подвале, а живыми, настороженными, ждущими.

— Всем доброе утро! — лучезарно улыбнулась, нужного эффекта не добила. Лица остались каменными, взгляды — осторожными, словно я говорила на языке, который они пони-

мали, но не доверяли. — Итак. Для начала хотелось бы знать, что вы умеете делать. Я уже поняла, что все понемногу. Поэтому сейчас я буду называть конкретное занятие, и те из вас, кому это занятие нравится больше, чем другие, и вы хорошо можете выполнять данное задание, делаете два шага вперёд. Для начала слуги встают в один ряд к этой стене, — указываю направо, и они выстраиваются, не без толкотни и обмена настороженными взглядами. — Рабы также к этой стене, — указываю налево, и они встают, неловко переступая, будто забыли, как вести себя в строю. — В опросе участвуют все — и слуги, и рабы. Итак. Заниматься садом. Подстригать кусты, сажать растения и ухаживать за ними. Два шага вперёд.

Оба строя делают два шага вперёд. Все до единого. И в глазах — не энтузиазм, а страх: страх остаться без дела, страх быть отвергнутым, страх, что не выберут, и тогда — неизвестность, которая хуже любого наказания.

— Так дело не пойдёт. Встаньте все на место. У нас много должностей. И на каждую нужно определённое количество челове... существ. Каждый теперь будет заниматься только своим делом, а не всем подряд. Ясно. Начнём сначала. Кто хочет заниматься садом?

Вышло двое слуг и один раб. Остальные переглянулись, и в их глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство — едва заметное, робкое, как первый росток, пробивающийся сквозь мёрзлую землю.

— Хорошо, — я приободрилась, чувствуя, как внутри разгорается маленький, но упрямый огонёк. — Мик, пиши: садовник, и рядом три имени. Как только Микаэль вас записал, вы отходите туда, — махнула рукой прямо от себя. — Теперь повар. — Подошла к уже имеющемуся повару и заговорила: — Сознание не терять. С утрешним происшествием это не связано. Просто вас должно быть двое. Вы будете работать день один, день другой, или два дня один, два другой — договоритесь сами. Как вам будет удобнее. Пока один работает, второй отдыхает. Ещё у вас должны быть помощники. Сколько существ вам помогает в течение одного приготовления, скажем, к обеду?

— Трое, — ответил повар, и голос его слегка дрожал, но уже не от страха, а от волнения, будто он начинал понимать, что всё это не шутка и не ловушка.

— Отлично. В таком случае я даю вам право выбора. Вы лучше знаете, кто хорошо справляется. Выберите повара и шесть помощников. Мик, запиши. И отходите в сторону. Нужны двое на мытьё посуды и два официанта... это те, кто приносит еду на стол и потом всё это убирает, — подождала, пока Мик записывал, и продолжила раздачу должностей, и с каждым новым названием люди оживали, распрямлялись, словно кто-то по одному снимал с них невидимые оковы. — Теперь слуги, дом большой — нужно десять существ. Также работаете посменно. Пять работают, пять отдыхают. Скажем, по два дня. Да, все будут работать по два дня. Так, нужен ещё один садовник. — Работники и рабы стали уже смелее выходить из строя, и в этом появившемся спокойствии было что-то трогательное — будто им впервые дали право выбирать, и они не знали, что с ним делать, но учились. — Мик, что у нас со стиркой и глажкой? Есть артефакты или всё вручную делается?

— Артефакты.

— Тогда для стирки четверо. А, забыла объяснить: слуги — это те, кто следит за порядком. Пыль, мусор убрать во всём доме по мере необходимости. Смена постельного белья, и всё грязное бельё: постельное, полотенца, одежда — всё собирается и уносится тем, кто занимается стиркой, у них же берётся чистое и разносится по комнатам. Только хозяйским и гостевым, если у нас будут гости. Это что касается вещей. Работники свои вещи в стирку будут носить сами. Нет, слуг, наверное, мало — двадцать, работы слишком много. Мик, запиши ещё десять желающих. Будете по десять работать, кто-то в комнатах, кто-то в общих помещениях: гостиные, столовые, библиотека, коридоры и всё прочее. Два лекаря, совсем забыла. Если лекари уже выбрали другую работу, перепишите, пожалуйста, а на те должности запишите других. К лекарям могут обращаться все: если что-то болит или беспокоит, позволения ждать не надо.

Даю его сейчас всем. Лекари могут пользоваться библиотекой, чтоб повысить свои знания. Да, в принципе все могут ей пользоваться, чтоб повысить знания. Управляющий один — он будет руководить и решать вопросы со всеми остальными, если они возникнут. Мик — мой помощник, если возникают вопросы, которые не сможете решить с управляющим, обращайтесь к Микаэлю. Ну а ты соответственно ко мне. Ещё два посыльных и два конюха. Так, что у нас получилось? — Подхожу к эльфу, заглядываю в тетрадь. — Замечательно.

Смотрю на людей и вижу, как два раба мнутя в сторонке — неловко, с тем особенным выражением на лице, которое бывает у тех, кто привык, что ему не достанется, что его обойдут, что он — лишний.

— А вы что? Работы не нашлось?

— Нет, — ответил один из них, и в этом «нет» было столько покорности, что захотелось схватить его за плечи и встряхнуть.

— Ну, тогда ближайшие пару дней будете помогать нам, а дальше посмотрим. Остальные договариваются между собой, кто с кем и когда работает, желательно в письменном виде, потом Мику передадите. И можете приступать к работе. Ну а мы пойдём искать комнаты. Ах да, посыльные, сегодня поработаете вдвоём. Мик, выдай список и деньги. Вы узнаете все размеры рабов и за одеждой, и за остальными вещами.

Комнаты нашлись быстро. Три достаточно больших и светлых — с нормальными окнами, сквозь которые лился настоящий дневной свет, не жалкими щелями, а полными, широкими потоками, заливающими пол золотом. По десять человек вполне разместятся. Пришлось занять какие-то комнаты отдыха. Зачем они? В гостиной можно отдохнуть или у себя в покоях. Присмотрела ещё две на будущее, и стены здесь были другие — тёплые, деревянные, не то что голый камень подвала, и от этого комната казалась не казармой, а чем-то похожим на дом, пусть пока только на один из тех домов, что ещё строятся и в которых ещё не жили.

— Микаэль, надо дать распоряжение. С сегодняшнего дня все без исключения питаются три раза в день нормальной едой.

— Хорошо, — ответил он, и в этом «хорошо» звучало уже не удивление, а что-то похожее на принятие — будто он наконец решил, что если мир сошёл с ума, то пусть сходит в лучшую сторону.

— Так, вот эти три привести в порядок. По десять кроватей с тумбочкой к каждой. Можно попросить помощи у тех, кто сегодня свободен. В комнатах теперь будут жить рабы... ммм, — постучала пальчиком по подбородку, и этот жест — привычный, простой — был моей маленькой попыткой удержаться в реальности, где всё ещё можно изменить, пока не стало слишком поздно. — На будущее не рабы, а такие же работники, как и все остальные. Да. Так лучше. Все, чего нет в замке, надо будет купить сегодня. Пошли обратно, может, не все ещё разошлись.

Вернулись в гостиную. Многие были на месте — стояли группами, переговаривались, и разговоры звучали тихо, осторожно, как первые звуки оркестра перед концертом, когда инструменты ещё только настраиваются.

— Мик сделал объявление о питании, и по лицам пробежала волна — не радости, нет, радость здесь ещё не умели. Скорее — недоумения, смешанного с крошечной, едва заметной искрой чего-то, что могло быть надеждой.

— Сегодня надо подготовить три комнаты. Те, кто сегодня свободен, просьба помочь парням, — указала на стоящих рядом. Всё, что нужно купить, придётся делать самим. Так что, если что-то нужно, повозки, деньги берите — и вперёд.

Столько ошарашенных лиц я ещё не видела. Шок — это по-нашему. Они стояли и смотрели так, будто я вдруг начала говорить на языке, которого не существует, — с тем особенным выражением, когда мозг ещё пытается обработать услышанное, а тело уже не знает, как реаги-

ровать: то ли бежать, то ли плакать, то ли смеяться. Кто-то моргал, кто-то приоткрыл рот, кто-то украдкой посмотрел на соседа, ища подтверждения, что он тоже это слышал.

— Ещё две комнаты рядом, — обратилась к парням. — Тоже нужно обустроить так же. Но уже без спешки, но в ближайшие дни.

Все указания раздала и с чувством выполненного долга пошла к себе, прихватив Мика. До обеда определяли зарплату всем, и рабам в том числе — цифры ложились на бумагу, и с каждой строчкой я всё острее чувствовала, как мир вокруг меня меняется, пусть пока только в этих стенах, пусть только на бумаге, но меняется — медленно, неуверенно, как река, проби- вающая новое русло. Обсуждали графики работ, которые нам принесли, — листы были запол- нены неровным почерком, с исправлениями и пометками, но заполнены, и это было уже что- то. Обсудили дальнейшие планы. Мик сообщил, что королева будет на приёме у аристократки Веленской через два дня, куда я тоже приглашена. Со мной должен быть как минимум один раб — это престижно. Скрипя зубами, обдумывала, как бы поближе познакомиться с короле- вой и, естественно, в чём пойти.

После обеда отвлёк муж. Зашёл и замер на пороге, словно увидел не свою гостиную, а совершенно другое помещение. Походил по коридорам, заглянул в несколько дверей, потрогал стену, словно проверяя, настоящая ли, и наконец остановился, впитывая то, что видел: суету, движение, разговоры, запах свежей краски и чистящего средства, звуки шагов по лестнице, звон посуды из кухни — всю эту новую, незнакомую жизнь, которая вдруг зашевелилась в замке, раньше спавшем, как заколдованное царство.

— Что происходит? — наконец отмер Вей, и в его голосе было столько растерянности, что стало почти смешно.

— Где? — подняла глаза от документов.

— Везде. Куда ни глянь, кто-то что-то делает.

— Работают люди. Чем ты не доволен?

— Зачем тебе это?

— Станный вопрос. Улучшаю жизнь — свою и тех, кто вокруг.

— Всё никак не наиграешься? Зачем давать им надежду? Чтоб потом побольнее растоп- тать?

Как говорил Карлсон: спокойствие, только спокойствие. Вдох, выдох. Считаю до десяти. До двадцати. До ста.

— Ничего я топтать не собираюсь.

— Не верю. Я уже давно тебе не верю.

— Твоя право. Доказывать не соб...

— Простите. А где будет лекарская комната? — вошёл и прервал нас один из лекарей, и в его голосе было столько деловой озабоченности, что мне захотелось расцеловать его за одно это — за то, что он не боится, не ждёт разрешения, а просто спрашивает, как человек, которому доверили дело и который хочет его выполнить.

— Забыла. Мик, найди помещение. Любая светлая комната, если в ней никто ни живёт, ни моется, ни ест, — подойдет. Все вот эти отдыхающие, прохлаждающие, можете смело занимать.

Мик кивнул и вышел. Мы остались вдвоём, и тишина между нами повисла, как занавес, который ни один не решался отдернуть.

— Ты раздаёшь свои комнаты отдыха? Ты ли это?

— Я. Мои комнаты, что хочу, то и делаю.

— Ну, делаешь, что хочешь, ты всегда. Но это... я не знаю, что думать, — сдунул Вей и опустился в кресло, и в этом жесте было что-то почти детское — будто из него вышел воздух, и осталась только оболочка, растерянная и уязвимая.

— Я уже говорила, что пересмотрела взгляды на жизнь.

— Как-то слишком сильно.

— Это плохо? — с надеждой ждала ответа, и эта надежда была тонкой, хрупкой, как первый лёд на луже.

— Не знаю. Скорее непривычно, оттого ещё страшнее.

— Почему? Я никого не бью, не издеваюсь.

— Вот поэтому. Раньше я знал, чего ждать, а сейчас...

Повисло молчание. Тяжёлое, густое, но не враждебное — словно оба стояли на краю чего-то нового и не решались шагнуть. Вейлинс не знал, что сказать. Я не знала, что ответить. Солнце за окном клонилось к закату, и его последние лучи золотили пылинки в воздухе, делая их похожими на крошечные звёзды, что танцуют в тишине.

— Может, попробуем наладить отношения? — через время нарушила я тишину, и слова прозвучали тихо, почти робко, будто я боялась, что он рассмеётся или, что хуже, промолчит.

— Какие? — опешил он, и в этом «какие» было столько искреннего непонимания, что стало больно.

— Для начала, хотя бы дружеские.

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем.

— Мне надо подумать, — с этими словами Вей вылетел из комнаты, и дверь за ним закрылась так быстро, что воздух качнулся, как от порыва ветра.

— Ну подумай, подумай, — произнесла себе под нос, провожая его взглядом, и в этой фразе не было ни обиды, ни злости — только тихая, усталая надежда на то, что однажды он вернётся и скажет не «мне надо подумать», а «давай попробуем».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.